

РУССКАЯ МОРСКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 1

Апрѣль 1931 г.

№ 1

Б. П. АПРѢЛЕВЪ

Брызги моря

—

П Р А Г А

Капитанъ 2 ранга Борисъ Петровичъ Апрѣлевъ.

КАП. 2 РАНГА Б. АПРЪЛЕВЪ

Брызги моря

—

1931
П Р А Г А

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ „БРЫЗГАМЪ МОРЯ“.

Господу Богу было угодно послать мнѣ тяжелую болѣзнь, лишившую меня возможности самостоятельно даже писать. Я оказался въ маленькомъ русскомъ монастырѣ, гдѣ среди братіи — много больныхъ и увѣчныхъ. Именно въ это время, можетъ быть, подъ влияніемъ обстановки, столь напоминающей нашу бѣдную Россію, въ памяти моей съ необычайной яркостью промелькнули видѣнія нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ моего плаванья на линейномъ кораблѣ „Императоръ Павелъ I“ въ 1912 году. Эти картины красиваго прошлаго какъ то невольно связались у меня съ впечатлѣніемъ о брызгахъ моря, — это заглавіе я и далъ очеркамъ. Близкій мнѣ человекъ подъ мою диктовку записалъ эти очерки.

Мой братъ передалъ ихъ въ Шанхаѣ Б. А. Суворину — редактору газеты „Время“, которому я и обязанъ тѣмъ, что они впервые увидѣли свѣтъ. Я приношу глубокую благодарность любящимъ меня близкимъ людямъ, помогшимъ мнѣ написать мои очерки, и Б. А. Суворину и М. С. Стахевичу, благодаря которымъ эти очерки напечатаны.

Линейный корабль „Императоръ Павелъ I“ строился на Балтійскомъ Судостроительномъ заводѣ въ С.-Петербургѣ. Начатый постройкой еще до русско-японской войны, онъ представлялъ собою дальнѣйшее развитіе типа эскадреннаго броненосца, какъ тогда

назывались линейные корабли. Увеличение средней артиллерии до 8" и противоминной до 120 м.м. потребовало значительнаго увеличенія водоизмѣщенія. Задержанные русско - японской войной на стапель „Императоръ Павелъ I“ и его sister ship „Андрей Первозванный“ подверглись значительнымъ измѣненіямъ во время постройки на основаніи опыта войны. Они вступили въ строй только въ 1912 году, представляя собою переходный къ дреднауту типъ корабля, созданный русскимъ гениемъ, русскими инженерами и рабочими, изъ русскихъ матерьяловъ.

Существуетъ старая морская легенда, что каждый корабль имѣетъ свою душу. Въ отношеніи „Императора Павла I“, мнѣ кажется, это безусловно вѣрно. „Зловѣщій корабль“, говорили одни. „Рѣдкій по красотѣ и порядку службы“, говорили другіе.

Назначенный на этотъ корабль, я дѣйствительно почувствовалъ точно невидимое присутствіе непонятаго современниками, трагически погибшаго Императора Павла I. Каютъ-компанія, командирское помѣщеніе, Мальтійскіе кресты на пробкахъ пушекъ и на флюгаркахъ катеровъ и шлюпокъ, портретъ Императора въ каютъ-компаніи, подлинный указъ, подписанный Императрицей Екатериной II, о назначеніи Цесаревича Павла Петровича генераль-адмираломъ Флота — все напоминало о немъ. Крѣпкая любовь къ родному кораблю сдѣлалась культомъ какъ офицеровъ, такъ и команды.

Въ блистательномъ Санктъ-Петербургѣ, въ соборѣ Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла въ Петропавловской крѣпости, среди мраморныхъ могилъ Россійскихъ Императоровъ, была и могила Императора Павла I. Неугасимыя лампы горѣли надъ ней. Какъ сейчасъ помню освѣщенный солнцемъ этотъ соборъ. Могила Императора Павла I.

Старенькаго священника въ черномъ облаченіи. Солдата - псаломщика около него. Я одинъ около этой могилы. „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой“, слышенъ старческій голосъ священника, „подаждь Господи убиенному рабу Твоему Императору Павлу Петровичу и сотвори ему вѣчную память“. Одинокю звучить въ огромномъ соборѣ голосъ солдата-псаломщика — „Вѣ-ѣ-ѣчная память“...

— У могилки Императора Павла Петровича служилъ панихидку? — спрашиваетъ меня старенькая сгорбленная старушка, при выходѣ изъ собора. — Это хорошо, миленькой; ежели тяжело тебѣ али боленъ, онъ отмолитъ, вѣдь онъ мученикъ“.

Изъ словъ старушки я узналъ о томъ повѣртіи, что если помолиться на могилѣ Императора Павла I, то всякая молитва будетъ услышана.

Нынѣ и могилы Императоровъ въ Петропавловскомъ Соборѣ и линейный корабль „Императоръ Павелъ I“ или осквернены или не существуютъ. Я буду радъ, если милая русская молодежь, не выдавшая красоты и величія Россіи, прочтя мои очерки пожелаетъ изучить эту Россію и быть достойной ея великаго прошлаго.

Кап. 2 р. Б. *Апрѣлевъ.*

25/Х 1930, г. Харбинъ.

ВЪ ОЖИДАНИИ АДМИРАЛА.

Хорошо лѣтнимъ утромъ на палубѣ военнаго корабля, когда только что взошедшее солнце брызнетъ радостными торжествующими снопами золотистыхъ лучей на синюю гладь спокойнаго моря, точно оправленнаго красивыми очертаньями береговъ, когда побѣдившіе сумракъ ночи лучи улыбнутся тысячами брызгъ въ мѣдныхъ частяхъ различныхъ приборовъ на палубѣ корабля. Весело въ такой моментъ на душѣ у вахтеннаго начальника, который мѣрно шагаетъ на палубѣ, въ ожиданіи того, какъ вставшая и пропѣвшая утреннюю молитву команда позавтракаетъ.

Положенный часъ послѣ побудки команды проходитъ. На верхней палубѣ видны привинченные къ рожкамъ шланги; уже появились фигуры озабоченныхъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ. Бодрая команда вахтеннаго начальника „начать приборку“ оживляетъ мертвый на видъ корабль. На палубѣ появляются сотни матросовъ въ „рабочемъ“ платьѣ, и черезъ минуту для непосвященнаго зрителя начинается нѣчто невообразимое. Сперва льются каскады воды по палубѣ, затѣмъ босоногіе люди съ засученными выше колѣнъ брюками, длинными рядами, на корточкахъ, точно лягушки, держа въ рукахъ березовые голики, небольшими скачками продвигаются впередъ и протираютъ палубу пескомъ. Все дѣлается въ полномъ

молчаніи, слышенъ лишь равномерный хрусть. Каждая доска, каждый пазъ протираются этими своеобразными полотерами.

Въ это же время комендоры (матросы артиллерійской специальности) любовно обмываютъ свои башни и щиты казематовъ; сигнальщики, какъ мураши, капошатся на мостикахъ; марсовые и старшины шлюпокъ возятся на рострахъ и на шлюпкахъ.

„Протирка“ палубы окончена. Снова каскады воды смываютъ песокъ и соръ, скачивается наружный бортъ. Въмѣсто сидящихъ на корточкахъ „лягушекъ“ появляются ряды матросовъ съ лопатами. Начинаютъ „лопатить палубу“.

— Суше лопать, косою твой носъ! — доносятся то тамъ, то здѣсь наставленія унтеръ-офицеровъ. Вахтенный начальникъ посматриваетъ на палубу. Пора кончать лопатить, время уже перевалило за семь часовъ.

— Мѣдь и желѣзо чистить, — раздается команда. Копошашіеся на палубѣ люди вооружаются „ветошью“ и баночками съ „чистотой“.

„Чистота“ — гордость каждаго корабля. У хозяйственныхъ ревизоровъ, при хорошихъ баталерахъ и наличіи достаточныхъ экономическихъ суммъ, „чистотой“ является патентованная мазь, хорошо извѣстная хозяйкамъ дома подъ названіемъ „Аморъ“, которая употребляется для чистки самоваровъ и мѣдной посуды. Тамъ, гдѣ на „Аморъ“ средствъ не хватаетъ, „чистота“ домашняя — толченый кирпичъ, разведенный на олифѣ.

Не любитъ такую „домашнюю“ чистоту команда, хмурится и старшій офицеръ, глядя на „мѣдяшку“, почищенную дешевой „чистотой“.

Черезъ четверть часа мѣдяшка горитъ подъ лучами солнца. Корабль, точно кокетливая женщина, заканчиваетъ свой утренній туалетъ. Шлюпочныя тали

красиво сложены въ „якорныя бухты“. Зорко смотрятъ вахтенный начальникъ, боцманы и унтеръ-офицеры, чтобы ни одинъ „кончикъ“ не болтался за бортомъ. Боцманъ на „шестеркѣ“ обходитъ вокругъ корабля, внимательно осматривая каждую мелочь.

Вернувшись, онъ съ довольнымъ видомъ докладываетъ вахтенному начальнику, что все исправно.

Половина восьмого.

— Ваше-скородіе, сигналъ Адмирала: „Караулу и фалрепнымъ форма одежды № 3“, — докладываетъ сигнальщикъ.

— Караулу и фалрепнымъ быть въ бѣлыхъ рубашкахъ и черныхъ брюкахъ — раздается команда. И черезъ пять минутъ:

— Карауль и фалрепные къ осмотру.

Приборка окончена. Безъ четверти восемь горнисты „бьютъ“ повѣстку. За пять минутъ до восьми часовъ на флагманскомъ кораблѣ поднимается „Щ“ — „Подъемъ флага съ церемоніей“. Вахтенный начальникъ на заднемъ мостикѣ. Звонко, возбужденно командуетъ онъ:

— Карауль и музыканты наверхъ. Команда наверхъ, повахтенно во фронтъ. Звонокъ въ каютъ-компанію. Вахтенный! Доложить командиру: черезъ 5 минутъ „подъемъ флага съ церемоніей“.

Красиво вытянуты линіи выстроившейся команды, жаромъ горятъ инструменты оркестра на правомъ флангѣ караула. Выходитъ командиръ. Приложивъ руку къ козырьку, онъ быстро проходитъ по фронту вытянувшихся въ струнку офицеровъ.

— Здорово первая вахта! — слышенъ его голосъ въ сторону шкафута.

— Здравія желаемъ, Ваше Высокородіе, — раздается громовой отвѣтъ.

— Здорово 2-ая вахта, — доносится съ лѣваго борта и такой же раскатъ отвѣта второй вахты.

— На флагъ и гюйсь — за минуту до восьми часовъ раздается съ мостика команда вахтеннаго начальника. На палубѣ мертвая тишина. Ровно въ восемь часовъ, слѣдуя движеніямъ флагманскаго корабля, команда:

— Флагъ и гюйсь поднять!

По этой командѣ величественно-медленно подымается наша святыня — Андреевскій Флагъ. Офицеры и команда стоятъ съ обнаженными головами. Оркестръ, сыгравъ два колѣна „Николаевского марша“, начинаетъ гимнъ „Боже, Царя храни!“

— Караулъ внизъ. Командѣ разойтись. Музыканты маршъ. — Грохотъ сотенъ бѣгущихъ ногъ (на палубѣ военнаго корабля команда не ходитъ, а бѣгаетъ) и бодрые звуки марша. Подъемъ флага оконченъ.

Но не всегда такъ красива бываетъ жизнь на рейдѣ.

Сырое туманное утро. Плохо видны силуэты стоящихъ на Ревельскомъ рейдѣ кораблей морскихъ силъ Балтійскаго моря.

Вотъ сѣрая громада „Рюрика“ — флагманскаго корабля. Онъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ, точно гордясь тѣмъ, что не входитъ въ составъ отдѣльныхъ бригадъ. Немного ближе къ берегу вытянута линія бригады линейныхъ кораблей: „Императоръ Павелъ I“, „Андрей Первозванный“, „Цесаревичъ“, „Слава“.

Мористѣ этого ядра нашего маленькаго флота еле различаемая въ туманной мглѣ видна бригада крейсеровъ: „Громобой“, „Адмиралъ Макаровъ“, „Паллада“, „Баянъ“.

Дивизионы эскадренныхъ миноносцевъ первой дивизіи въ гавани. Смутно виднѣются шпигы „Олая“ и „Николая“ и центръ города — Вышгородъ.

Сѣро, холодно и уныло на палубѣ. Вахтенный начальникъ въ резиновыхъ сапогахъ и въ зюйдъ-

весткѣ хмуро бродить взадъ и впередъ. Нечего дѣ-
лать, никакихъ занятій пока не назначено.

Флотъ окончилъ осенніе маневры и нашъ Коман-
дующій — „Летучій Адмиралъ“ Н. О. фонъ Эссенъ
— ушелъ куда-то на своемъ любимомъ „Погранич-
никѣ“.

Гдѣ онъ? Не то въ Петербургѣ, не то въ Гель-
сингфорсѣ, не то въ Либавѣ, не то въ Або-Олланд-
скихъ шхерахъ. Всюду влечетъ „Летучаго Адмирала“
его пытливая энергичная натура, всюду вноситъ онъ
свой безпокойный, творческій духъ, сумѣвшій послѣ
моральнаго упадка, охватившаго флотъ въ резуль-
татѣ русско-японской войны, зажечь яркую вѣру въ
себя и вызвать бодрость, энергію и страсть къ ра-
ботѣ. „Въ морѣ значитъ дома“ и „Помни войну“, —
завѣты покойнаго Адмирала С. О. Макарова — были
имъ воплощены въ нашемъ возрождающемся флотѣ.

Онъ куда-то ушелъ, но мы ждемъ его съ нетер-
пѣніемъ, ибо, возвратившись, онъ привезетъ намъ
навѣрное „что нибудь новое и интересное“.

Хмуро на верхней палубѣ въ это слякотное утро.

— Ваше-скородіе! Миноносець съ моря. Ка-
жись, „Пограничникъ“, — кричитъ съ мостика сиг-
нальщикъ.

— Караулъ наверхъ, доложить старшему офи-
церу и командиру, — командуетъ вахтенный началь-
никъ. Команду и музыкантовъ въ такую слякоть и
вызывать не приходится.

Выходитъ наверхъ командиръ и Адмиралъ, На-
чальникъ бригады.

— Надо бы вызвать команду и музыкантовъ, —
говоритъ командиръ.

— Есть, — со скрытымъ неудовольствіемъ въ
голосѣ отвѣчаетъ вахтенный начальникъ, съ доса-
дой думая про себя: „на кой чертъ въ такую мразь-
погоду вызывать людей, когда, можетъ быть, и Ад-“

мирала то вовсе нѣтъ на миноносцѣ. Охъ, ужъ этотъ административный восторгъ“.

Однако, выполняя приказаніе командира, онъ вызываетъ музыкантовъ и команду и даетъ звонокъ въ каютъ-компанію. Онъ внимательно смотритъ въ бинокль на приближающійся и плохо видимый за мелкой сѣткой дождя миноносецъ. На мостикѣ сигнальщики, уперевъ зрительныя трубы на поручни, впились глазами туда же.

— Пожалуй, Адмирала нѣтъ, — неувѣренно говоритъ вахтенный начальникъ.

— Сигнальщики, — раздается сердитый голосъ командира, — есть флагъ на „Пограничникѣ“?

На мостикѣ молчаніе. Лица офицеровъ и команды — хмуры: „Зря вытянули наверхъ въ такую слякоть“.

Командиръ недоволенъ. — Ну?, — бросаетъ онъ на мостикъ.

— Настояще не видать, Ваше-скородіе — и при улыбкахъ на всѣхъ лицахъ съ мостика доносится радостно-возбужденный крикъ: — Флагъ видать — не иначе, какъ фонъ-Ессенъ, Ваше-скородіе.

Черезъ нѣсколько минутъ уже простые, а не „сигнальные“ глаза видятъ на форъ-стенгѣ „Пограничника“ флагъ Командующаго.

Миноносецъ лихо „рѣжетъ корму“ „Императору Павлу I“ и съ мостика его въ мегафонъ доносится знакомый голосъ:

— Здорово молодцы!

Адмиралъ вернулся къ флоту.

Черезъ полчаса съ „Рюрика“ сигналъ: — „Адмиралъ приглашаетъ флагмановъ и командировъ“.

— На паровой катеръ! Катеръ къ правому трапу, — раздалась команда вахтеннаго начальника.

Какъ только катеръ былъ поданъ, Адмиралъ Начальникъ бригады и командиръ уѣхали на „Рюрикъ“.

Наступило время обѣдать. Въ нашей дружной

„лихой“, „Павловской“ каютъ-компани за этимъ обѣдомъ было весело. По нашему обычаю, обѣдъ — время отдыха; за обѣдомъ о серьезныхъ вещахъ говорить не полагается.

Въ каютъ-компани „Павла“ столъ былъ „покоемъ“. Во главѣ его сидѣли: старшій офицеръ, батюшка, старшій артиллерійскій офицеръ, старшій инженеръ-механикъ, старшій судовой врачъ. Правое крыло составлялъ „мичманскій конецъ“, наполненный мичманами, младшими инженеръ-механиками, обоими младшими докторами и минными офицерами. За лѣвой частью стола сидѣлъ нашъ милый ревизоръ, за свою лысую голову прозванный „Сенаторомъ Лысогорскимъ“ или просто „Лысыкомъ“. Съ нимъ же сидѣли старшій минный офицеръ и нѣсколько лейтенантовъ — плутонговыхъ командировъ. Крайняя лѣвая часть стола составляла „артиллерійскій конецъ“, и тамъ же сидѣлъ нашъ общій любимецъ, старшій штурманскій офицеръ, лейтенантъ К. — „въ плѣну у варваровъ“, какъ въ шутку называли насъ, артиллерійскихъ офицеровъ.

— Никола — обратился къ старшему штурману, наливая ему рюмку водки, нашъ третій артиллерійскій офицеръ, насившій кличку „Роза“ и за хорошую стрѣльбу получившій эпитетъ на еврейскомъ жаргонѣ: „брульянтъ нашего заведенія“. — Ты думаешь, мы любимъ тебя за твою специальность? Просто ты — душа человекъ — молодчина, — жаль одно, что ты зря пропадаешь — пошелъ бы въ артиллерійскій классъ, былъ бы по крайней мѣрѣ изъ тебя толкъ, а то что такое — штурманъ, просто противно!

— Вѣдь что такое штурманъ съ нашей точки зрѣнія? — вступилъ въ разговоръ второй артиллерійскій офицеръ, по прозвищу „Бука“, — штурманъ для насъ, это просто извозчикъ, который возитъ ту платформу, на которой стоятъ наши пушки. Мы соль земли. Ради насъ, можно сказать, и флотъ существуетъ.

— Подумаешь — иронически донеслось изъ группы минныхъ офицеровъ. — Варвары, разрушители, пережитокъ среднихъ вѣковъ. Да если бы отъ меня зависѣло, я бы запретилъ ставить артиллерію на современныхъ судахъ. Да, наконецъ, что стоитъ вся ваша артиллерія безъ тѣхъ киллоуатовъ, которые даютъ наши динамо-машины!

— Бѣдный Никола — слышалось со стороны инженеръ-механиковъ. — Сидитъ въ залогѣ среди этой публики! Вотъ ужъ можно сказать: „Не бардза велька, али пожодна компанейка“, — какъ говорятъ поляки.

Милый нашъ „Никола“, чувствуя на себѣ всеобщее ласковое вниманіе, допиваетъ свою рюмку водки, закусываетъ кусочкомъ селедки съ чернымъ хлѣбомъ и, переходя къ супу, заявляетъ:

— Братцы, вѣдь это же все народъ извѣстный, продажный. Помните, передъ стрѣльбой на Императорской призь тѣ же „Бука“ и „Роза“, можно сказать, въ ногахъ у меня валялись и молили, чтобы я хорошо „держалъ“ на курсовомъ углѣ. „Роза“ даже плакала, что родилась не дѣвочкой — общала за меня замужъ выйти. Все равно безъ насъ, штурмановъ — они ничто.

Споръ специальностей могъ бы разгорѣться до безконечности, но старшій офицеръ положилъ ему предѣлъ, рассказавъ извѣстный анекдотъ: „Какъ смотрятъ на корабль различные специалисты“. Штурманы — какъ на точку приложенія магнитныхъ силъ, инженеръ-механики — какъ на коробку для машинъ, минеры — какъ на магнитное поле, артиллеристы — какъ на платформу для орудій, а ревизоры, не въ обиду будь сказано нашему „Лысику“ — какъ на доходное мѣсто...

Разговоръ на нѣсколько минутъ разбился, но скоро общее вниманіе было привлечено выступленіемъ

„enfant terrible“ нашей каютъ-компаніи, мичмана по прозвищу „Устрица“.

„Устрица“ былъ мичманъ „съ будущимъ“. Все свободное время онъ употреблялъ на изученіе военныхъ наукъ и военно-морской исторіи. Онъ такъ и сыпалъ цитатами изъ Мехена, Киргофа, Клаузевица, Леера. „Устрица“ готовился въ Академію, на ея военно-морской отдѣлъ — въ „Школу Нельсоновъ“, какъ въ шутку называли ее.

На этотъ разъ „Устрица“ неожиданно выступилъ противъ батюшки, что, вообще говоря, учитывая „мичманскую психологію“, какъ то установилось во флотѣ за мичманами.

— Батюшка, скажите, былъ ли у жидовъ Генеральный Штабъ, когда они ходили въ пустынь Хаанаанской?

Нашъ умный, высокообразованный судовой священникъ, іеромонахъ о. Павелъ, взглянувъ на „неистовую Устрицу“ своими добрыми, блестящими изъ подъ золотыхъ очковъ глазами и окинувъ взглядомъ замолкнувшихъ офицеровъ, отвѣтилъ, слегка напирая на букву „о“:

— Увѣренно могу сказать, что не было.

— Почему, почему, батюшка? — загалдѣли мичманы.

— Да очень просто, господа, почему, — отвѣтилъ о. Павелъ. — Подумайте, вѣдь если бы у нихъ былъ Генеральный Штабъ, то они бы до сихъ поръ ходили въ пустынь, а они вотъ по всему міру расползлись.

Общій хохотъ покрылъ эти слова. — Ай да батя, милый! Здорово сказалъ! — Что, Устрица, съѣлъ? — слышалось среди мичмановъ.

Старшій офицеръ, блюститель обычаевъ и порядка, какъ только смѣхъ умолкъ, сказалъ:

— Замѣчательный отвѣтъ, батюшка, хотя и не лестный для Генеральнаго Штаба. А вы, Устрица, должны помнить, что въ каютъ-компаниі разговоры на религіозныя темы запрещены.

Покраснѣвшая „Устрица“, осыпаемая остротами мичмановъ, „заткнулась“.

Обѣдъ подходитъ къ концу.

— Что то долго Адмиралъ и командиръ не возвращаются — сказалъ старшій офицеръ.

— Вѣроятно завтракаютъ у Адмирала. Тамъ вѣдь „харчъ“ не то, что у нашего Колесова (нашъ рестораторъ), — произнесъ нашъ старшій инженеръ-механикъ, большой знатокъ кулинаріи. — Я, кажется, въ жизни не ѣлъ такой бурды, какъ сегодняшній супъ. А мясо? Вы только посмотрите на эту подошву. Недаромъ нашъ буфетчикъ далъ ему классическое названіе — полюбуйтесь-ка.

Мы только сейчасъ замѣтили, что на меню вмѣсто „антрикотъ“ было выведено карявымъ почеркомъ карандашемъ: „Андрей-котъ“.

— Господа, — воскликнулъ нашъ маленькій младшій докторъ. — Я почти увѣренъ, что на „Рюрикѣ“ рѣшили итти въ Кронштадтъ, на санитарный маневръ. Я объ этомъ слышалъ, когда ѣздилъ въ Николаевскій Госпиталь.

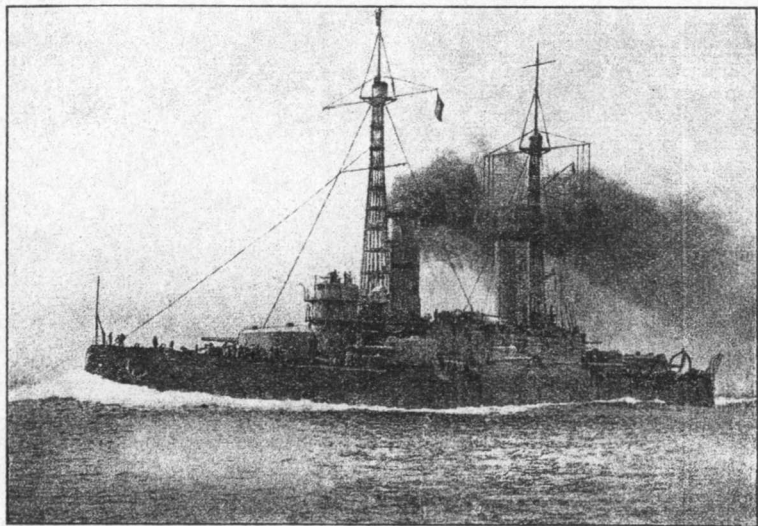
— Эхъ, ты, „Помирай капитанъ“*), — зашумѣли со всѣхъ сторонъ. — Туда-же, санитарный маневръ!

— Мало-мало помогай помирай!**) — галдѣли мичманы около веселаго жизнерадостнаго доктора. — О санитарномъ маневрѣ говорили еще весной, но его „отставили“; рѣшили еще разъ провѣрить въ Генморѣ (Морск. Генер. Штабъ) средства Кронштадскаго Порта

---

*) „Помирай-капитанъ“ — такъ во Владивостокѣ китайцы называютъ нашихъ морскихъ докторовъ.

**) „Мало-мало помогай помирай“ — на ихъ же языкѣ — фельдшеръ.

Линейный корабль „Императоръ Павелъ I“.

и Госпиталя на случай приѣма сразу нѣсколькихъ тысячъ раненыхъ. Нѣтъ, братъ, никакихъ санитарныхъ маневровъ быть не можетъ, вѣдь мы только что вернулись съ маневровъ!

— Братцы! — вдругъ завопилъ нашъ трюмный механикъ, помѣщенный на индикаторныхъ и лошадиныхъ силахъ и прозванный въ шутку, на что онъ совершенно не обижался, „Паровой осель“. — Мы пойдемъ на переборку машинъ и ремонтъ по трюмной и котельной частямъ! Вѣдь нашу бригаду загоняли эти вѣчные стрѣльбы и маневры. Ремонтъ нуженъ до зарѣзу.

— Кто его знаетъ, возможно — слышались голоса.

— Ваше-скородіе, Адмиралъ и командиръ возвращаются, — запыхавшись, доложилъ вахтенный старшему офицеру.

— Караулъ и музыканты навверхъ, четверо фалрепныхъ на правую, — донесся сверху голосъ вахтеннаго начальника.

— Ну, господа, что-то привезли Адмиралъ и командиръ съ „Рюрика“, — бросилъ на ходу старшій офицеръ, хватая фуражку и выскакивая изъ каютъ-компаніи.

НАША КАЮТЬ-КОМПАНИЯ.

Въ каютъ-компаниі линейнаго корабля „Императоръ Павелъ I“ — напряженное ожиданіе.

Пока происходитъ церемоніаль пріема вернувшихся Начальника бригады и командира, я опишу каютъ-компанию нашего корабля.

Каютъ-компанія — это совсѣмъ не то, что офицерское собраніе у нашихъ сухопутныхъ товарищей. Это совсѣмъ не то, мои дорогія читательницы, что видѣли вы при вашихъ безконечныхъ эвакуацияхъ во время вашихъ скитаній.

Каютъ-компанія для насъ, морскихъ офицеровъ, была мѣстомъ отдыха, строго регламентированнымъ Морскимъ Уставомъ. Если бы кто-нибудь изъ нашихъ „политическихъ дѣятелей“ когда-нибудь поплавалъ на военномъ кораблѣ, онъ ясно понялъ бы смыслъ и значеніе дисциплины; онъ понялъ бы, что слова „революціонная“, „сознательная“ дисциплина — бессмысленны; что дисциплина есть выработанный мудростью вѣковъ извѣстный укладъ, быть. Понялъ бы и то, что суровость дисциплины прямо пропорціональна уровню культурности индивидуумовъ, которыхъ дисциплина призвана объединять въ единый согласный организмъ. Суровость дисциплины зависитъ не отъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ дисциплина зиждется, или законовъ, ее устанавливающихъ, а исключительно отъ духовной культуры тѣхъ, кто составляетъ данный организмъ. Нигдѣ, какъ въ каютъ-компаниі военнаго корабля, не чувствуются жизненно

эти основы. Именно въ каютъ-компаніи „суровая“, „желѣзная“ дисциплина даетъ каждому возможность жить индивидуальной, своей духовной жизнью, освобождая каждаго отъ гнета толпы, въ которой онъ живетъ. Понятно поэтому, какъ важно, чтобы то мѣсто, которое составляетъ каютъ-компанію, отвѣчало бы разнообразнѣйшимъ духовнымъ запросамъ ея членовъ, а не было бы просто „помѣщеніемъ“.

Именно таковой была наша милая каютъ-компанія линейнаго корабля „Императоръ Павелъ I“.

Несмотря на суровыя требованія современнаго кораблестроенія, въ силу которыхъ нельзя имѣть легко воспламеняющихся предметовъ на кораблѣ, нельзя имѣть иллюминаторовъ, прорѣзывающихъ наружный бортъ, — въ нашей каютъ-компаніи было сдѣлано все, чтобы превратить ее изъ „желѣзной коробки“ въ уютное, изящное помѣщеніе.

Да простятъ меня мои милые читатели, если моя любовь къ родному кораблю слишкомъ долго оставливаетъ ихъ благосклонное вниманіе на описаніи того помѣщенія, гдѣ я тогда жилъ и въ которомъ я былъ счастливъ и своей работой и той средой, которая меня окружала.

Наша каютъ-компанія помѣщалась въ кормовой части корабля, позади кормовой 12" башни, по правому борту. Инженеры Балтійскаго Судостроительнаго завода, строившіе нашъ корабль „Павелъ“, умудрились создать въ этомъ помѣщеніи четыре отдѣльныхъ уголка.

Первый, описанный выше, — столовая, отличался тѣмъ, что онъ слабо освѣщался дневнымъ свѣтомъ, проникавшимъ сквозь единственный палубный иллюминаторъ. Этотъ лучъ свѣта попадалъ прямо въ красивый акваріумъ, въ которомъ среди искусственныхъ гротовъ и водорослей плавали золотыя и серебряныя рыбки. Противъ столовой была устроена

гостинная съ великолѣпными кожаными стѣнными диванами и глубокими кожаными креслами, освѣщенная изящными электрическими лампами въ видѣ бронзовыхъ статуй-сиренъ, выходящихъ изъ волны морской и держащихъ въ рукахъ большіе молочно-бѣлые шары, въ которыхъ были помѣщены сильныя электрическія лампы. Рядомъ съ гостиной стояла наша гордость — особый, специально для насъ сдѣланный концертный рояль, заказанный Балтійскимъ заводомъ и опробованный дочерью нашего командира, госпожею Римской-Корсаковой, ученицей Императорской С.-Петербургской консерваторіи и племянницей знаменитаго композитора Н. А. Римскаго-Корсакова.

Рядомъ, на этажеркѣ, лежали въ прекрасныхъ переплетахъ ноты лучшихъ музыкальныхъ произведеній; среди нихъ и безсмертныя творенія Римскаго-Корсакова.

За роялемъ былъ уголокъ, если хотите — музыкально-литературный, гдѣ во время концертовъ, которые бывали у насъ, такъ хорошо можно было слушать музыку. Въ этомъ уголкѣ опять кожаные диваны и кресла и художественно исполненныя лампы, которыя можно было поворачивать при чтеніи книгъ. Въ этомъ уголкѣ на переборкѣ былъ помѣщенъ старинный портретъ Императора Павла I съ его собственноручной подписью — подарокъ кораблю Россійской Императорской Академіи Наукъ. Въ этомъ же уголкѣ были помѣщены портреты Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. На столѣ лежалъ огромный альбомъ со снимками нашего корабля и Балтійскаго флота.

Четвертый, послѣдній уголокъ составляла библіотека. Въ большомъ зеркальномъ шкафу помѣщались наши книги, всѣ одинаково переплетенныя въ темно-малиновые переплеты съ вытѣсненнымъ въ лѣвомъ углу бѣлымъ Мальтійскимъ крестомъ.

Библиотека имѣла большой военно-морской отдѣлъ, заключавшій книги по всѣмъ морскимъ спеціальностямъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. За нимъ шелъ прекрасно составленный историко-географическій отдѣлъ съ интереснѣйшими книгами, описывающими различныя морскія путешествія. Наконецъ, обще-литературный отдѣлъ изъ всѣхъ русскихъ классиковъ и лучшихъ иностранныхъ писателей. Сверхъ того, мы получали двѣ русскихъ газеты, русскіе и иностранные морскіе журналы.

Между библиотекой и литературно-музыкальнымъ уголкомъ стоялъ красивый письменный столъ, на которомъ всегда находились телеграфные бланки, почтовая бумага и конверты съ изображеніемъ нашего корабля.

Въ гостинной стояла горка съ подарками, полученными нами отъ различныхъ кораблей.

Переборки (стѣнки) были закрыты щитами изъ красиваго, нескораемаго матерьяла „пигамонъ“, небесно-голубого цвѣта. При полномъ освѣщеніи наша каютъ-компанія имѣла видъ „голубого грота“.

Въ обычное время темно-малиновый коверъ покрывалъ палубу; скатерти того же цвѣта были на столахъ. Въ парадные дни полъ затягивали дорогимъ пушистымъ ковромъ, столы покрывались суконными скатертями того же цвѣта; и коверъ и скатерти были темно-синяго цвѣта.

Во время приѣма гостей на столъ ставился сервизъ, подарокъ Балтійскаго Судостроительнаго завода, исполненный по спеціальному заказу Императорскимъ Фарфоровымъ заводомъ. Сервизъ былъ бѣлый съ синей каймой (цвѣта Андреевскаго флага).

Такой была наша каютъ-компанія, гдѣ мы ожидали новостей, привезенныхъ Адмираломъ и командиромъ съ „Рюрика“.

ПОГРУЗКА УГЛЯ.

— Ну-съ, господа, — сказалъ старшій офицеръ, входя въ каютъ-компанію съ лицомъ, озареннымъ присущей ему улыбкой, — новости! — И, выждавъ минуту, когда отъ волненія у нѣкоторыхъ изъ насъ начали вырваться восклицанія, онъ объявилъ извѣстіе, на первыхъ порахъ насъ разочаровавшее. Во-первыхъ, Адмиралъ, Начальникъ бригады, сегодня въ полночь переноситъ свой флагъ на „Цесаревичъ“; это никого удивить не могло, ибо „Цесаревичъ“ былъ флагманскимъ кораблемъ нашей бригады и Адмиралъ у насъ находился случайно. Во-вторыхъ, на завтра назначена общая погрузка угля, всему флоту. Приказано принять полный запасъ угля, погрузка будетъ итти „авраломъ“*).

Вотъ и все, что привезъ командиръ съ „Рюрика“.
— Немного!

Однако, погрузка угля оставляла надежду, что по окончаніи ея мы дождемся какого-нибудь сюрприза.

Для читателей, незнакомыхъ съ морскимъ дѣломъ, слова „погрузка угля“ говорятъ мало, а между тѣмъ, послѣ артиллерійскихъ стрѣльбъ погрузка является на военномъ флотѣ самой важной боевой работой. Какъ и стрѣльбы, она вызываетъ сильный азартъ и жестокое соревнованіе между отдѣльными кораблями. И погрузка угля, какъ и стрѣльбы, нося въ себѣ состязательное начало, была поставлена въ нашемъ флотѣ блестяще.

---

*) „Авралъ“ — общая работа на кораблѣ, въ которой принимаютъ участіе всѣ офицеры и вся команда.

Легкое разочарованіе, охватившее насъ послѣ сообщенныхъ извѣстій, замѣнилось спортивной лихорадкой и надеждами, что мы вырвемъ на предстоящей погрузкѣ первенство.

Намъ и нашему „sister ship“ и вѣчному сопернику, линейному кораблю „Андрею Первозванному“ въ этомъ состязаніи труднѣе было, чѣмъ другимъ: мы оба сравнительно недавно вступили въ строй и не успѣли еще достаточно натренироваться въ этой работѣ. Оставшаяся часть дня была потрачена нами въ горячей подготовительной работѣ по организаціи погрузки.

Героями дня въ этомъ дѣлѣ являлись инженеръ-механики, и какъ во время стрѣльбы все было для насъ — артиллеристовъ, такъ при погрузкѣ угля всѣ мы склонялись передъ инженеръ-механиками.

Они сознавали всю тяжесть лежащей на нихъ * ответственности и въ каждомъ изъ нихъ чувствовалось страстное, характерное для азартнаго игрока волненіе передъ началомъ игры.

— Только, ради Бога, наладьте разгребаніе въ ямахъ*), — умоляюще говорили старшему инженеръ-механику и его помощникамъ старшій офицеръ и ротные командиры.

— Если у васъ тамъ будетъ „заѣдать“, тогда бѣда: начнутся перебои, задержки и погрузка будетъ сорвана.

Наступила ночь; мирно спятъ въ своихъ каютахъ офицеры, несется храпъ изъ 900 коекъ (гамаковъ), подвѣшенныхъ въ различныхъ мѣстахъ жилой и батарейныхъ палубъ, и въ головѣ этихъ сотенъ людей послѣднюю мысль передъ сномъ было: „Только бы не подгадить. Только бы быть первыми“.

---

*) Угольными ямами называются помѣщенія для храненія угля.

Въ полночь вступила такъ называемая „угольная вахта“, состоящая изъ спеціальныхъ людей, не назначенныхъ на погрузку. Вахтенными начальниками такой вахты являются старшіе спеціалисты (штурманскій, артиллерійскій, минный офицеры и ревизоръ).

Утромъ приборки не будетъ, но угольная вахта должна приготовить все для приѣма баржъ съ углемъ и для погрузки.

Чуть забрезжилъ свѣтъ, какъ раздался голосъ вахтеннаго сигнальщика:

— Ваше-скородіе, баржи ведутъ!

Изъ гавани показывается мрачная процессія. Пузатенькіе, некрасивые буксирные пароходы тянутъ каждый по нѣсколько баржъ, до-верху заваленныхъ блестящимъ, чернымъ каменнымъ углемъ. На каждой баржѣ видны 3-4 мрачныхъ, черныхъ фигуры. Выйдя на рейдъ, буксиры съ баржами медленно ползутъ къ отдѣльнымъ кораблямъ. Что то безконечно скучное и нудное чудится въ ихъ движеніяхъ — точно это какіе то мрачные силуэты подземнаго міра.

Обычно къ каждому кораблю подводятся четыре баржи. Подтянули ихъ и къ намъ.

Тихое, ясное солнечное утро. Море спокойно, точно озеро. Красивые силуэты кораблей облѣплены неуклюжими угольными баржами. Команда встаетъ, одновременно поднимаются и офицеры. Если бы въ этотъ моментъ ихъ увидалъ, посторонній зритель — онъ пришелъ бы въ ужасъ. вмѣсто изящныхъ офицерскихъ кителей, крахмальнаго бѣлья, надушенныхъ платочковъ, лакированныхъ ботинокъ и носочковъ со стрѣлками, вмѣсто красивыхъ бѣлыхъ „форменокъ“ матросовъ онъ увидѣлъ бы на офицерахъ и матросахъ костюмы настоящихъ каторжниковъ.

Всѣ одѣты въ „угольное платье“. Точно дикій, грубый маскарадъ. Смятыя офицерскія фуражки безъ кокардъ, „бывшіе“ бѣлые кителя безъ погонъ впе-

ремежку съ какими то кофтами рыжаго, чернаго и синяго цвѣтовъ, рваные брюки, грязныя перчатки — это офицеры. У команды видъ еще болѣе ужасный: чехлы вмѣсто фуражекъ, у многихъ головы повязаны полотенцами; вмѣсто одежды какое то тряпье или парусиновые мѣшки, на ногахъ опорки или высокіе сапоги. У офицеровъ въ рукахъ особыя пронзительныя свистульки.

Корабль, обычно такой чистый и кокетливый, имѣеть грязный и запущенный видъ. И, однако, среди этихъ мрачныхъ людей чувствуется волненіе, точно у породистыхъ скаковыхъ лошадей передъ началомъ скачки. Настолько всѣ заняты сейчасъ одной мыслью о погрузкѣ, что почти незамѣтно проходитъ обычно торжественный подъемъ флага, какъ то незамѣченныиъ проходитъ отъѣздъ на „Цесаревичъ“ Начальника бригады со штабомъ, не много вниманія удѣлено вслѣдъ за нимъ отвалившему туда же баркасу съ адмиральскими вѣстовыми, буфетчикомъ, писарями, машинками „Ундервудъ“, шапирографомъ, папками съ „дѣлами“ и съ хоромъ музыкантовъ.

Тотчасъ же, какъ отвалиль Адмираль, съ мостика донесся звенящій крикъ:

— Сигналъ на „Рюрикъ“ — начать погрузку угля!

— Ту—ту—ту—ту—ту—ту—ту—ту—ту—ту — ту—ту—ту—ту—туу—туу—туу — запѣли горны по палубамъ „наступленіе“, означающее у насъ начало погрузки угля.

Какъ бѣшенныя сыпятся пачками по талямъ*) и по концамъ**) въ баржи офицеры и команда. Точно мураши начинаютъ они копошиться въ огромныхъ горахъ каменнаго угля. Надъ баржами подымается удушливая угольная пыль, слышатся хриплые, сдавленные голоса.

*) „Тали“ — снасть для подъема тяжестей.

**) „Конецъ“ — всякая веревка.

Каждая рота разгружаетъ одну баржу. У подъемныхъ крановъ или лебедокъ стоятъ ротные командиры; около нихъ кучка людей ихъ роты, назначенныхъ на растаскиваніе мѣшковъ съ углемъ къ горловинамъ угольныхъ ямъ. У этихъ горловинъ стоятъ „счетчики“ съ грязными замусленными тетрадками, въ которыхъ они отмѣчаютъ число мѣшковъ, ссыпанныхъ въ „ямы“. Нѣкоторое время на рострахъ и на верхней палубѣ тишина, пока на баржахъ насыпаютъ мѣшки съ углемъ. Вдругъ изъ одной баржи слышенъ пронзительный свистъ. Это значитъ — мѣшки насыпаны и нацѣплены на крючки крана, который немедленно же начинаетъ подъемъ. Изъ люка баржи, точно осиные соты, показывается нѣсколько десятковъ угольныхъ мѣшковъ, прицѣпленныхъ на крючки. И эта черная пыльная масса на минуту закрываетъ отъ взоровъ внутренность баржи, гдѣ уже снова съ бѣшеннымъ азартомъ наполняется вторая партія мѣшковъ. Остальные ротные командиры уже съ нервной завистью смотрятъ на того, чья рота подняла первую партію мѣшковъ. Мѣшки опускаются крапомъ на палубу, гдѣ мгновенно растаскиваются къ горловинамъ угольныхъ ямъ, куда стоящій у горловины унтеръ-офицеръ даетъ предостерегающій крикъ — „полундра“ *). Пустые мѣшки немедленно же спускаются на баржу. Истинные мученики во время погрузки — это кочегары, которые разгребаютъ уголь въ угольныхъ ямахъ. Въ грязномъ темномъ помѣщеніи, тускло освѣщенномъ нѣсколькими электрическими лампочками на „летучихъ“ проводахъ, они надрываются, стараясь скорѣе разгребать всыпанный въ яму уголь, стараясь поспѣть къ тому моменту, когда крикъ „полундра“ покажетъ имъ, что новая партія угля подана къ горловинамъ ихъ ямы. Зазѣвайся такой кочегаръ, не услышь во время предостерегающаго

---

*) „Полундра“ — берегись.

крика, и тяжелые куски угля полетятъ ему на голову. Душно въ угольныхъ ямахъ въ это время. Густая, мелкая черная пыль виситъ въ воздухѣ, желтокрасными точками виднѣются электрическія лампочки, почти не давая свѣта въ этой мрачной атмосферѣ.

Вначалѣ погрузки, пока ямы пусты, работа идетъ еще туда-сюда, но по мѣрѣ наполненія ямы разгребать становится все труднѣе, духота все ужаснѣе, и вотъ начинается самое неприятное — яма „забита“ и люди не успѣваютъ ее разгребать, задыхаясь въ густой пыли; офицеры и команда начинаютъ нервничать; вѣдь каждая потерянная минута при такомъ страшномъ состязаніи — бѣда! А форсировать силы людей въ ямахъ невозможно. Вотъ, вотъ слышатся крики — „Фельдшера, носилки!“, и изъ ямы на „концѣ“ поднимаютъ полу-безжизненное тѣло съ бѣлымъ оскаломъ зубовъ на черномъ лицѣ. Это одинъ изъ разгребальщиковъ лишился чувствъ въ этой адской атмосферѣ...

Но въ началѣ погрузки все идетъ гладко. Ровно черезъ часъ послѣ начала по кораблю разносится звенящій звукъ горна: „Слушайте всѣ“, а вслѣдъ затѣмъ команда: „Приостановить погрузку“. Инженеръ-механики спѣшно производятъ подсчетъ. 1-ая рота — 35 тоннъ*), 2-ая рота — 40 тоннъ, 3-я рота — 30 тоннъ, 4-ая рота — 45 тоннъ, — всего 150 тоннъ. Результаты сейчасъ же сообщаются въ баржи, куда въ это время замученнымъ людямъ спускаютъ ведра съ холодной водой, разбавленной краснымъ виномъ, и коробки папирсъ. Изъ баржи 4-й роты доносится „ура“ — она въ этотъ часъ „оставила“ остальныхъ. Сигнальщики въ это время спѣшно набираютъ и поднимаютъ сигналъ „150“, что означаетъ, что за часъ погружено 150 тоннъ. То же дѣлаютъ и остальные

---

*) Тонна равна 60 пудамъ.

корабли. На „Рюрикѣ“ виситъ до половины „нока“*) флагъ „И“, что означаетъ „ясно вижу“. Этотъ флагъ виситъ „до половины“, пока всѣ не показали, сколько погрузили за часъ.

— Сколько у „Андрея“? — волнуются на мостикѣ командиръ и старшій офицеръ.

— 160 тоннъ.

— Ахъ, чертъ его дери! — срывается у командира.

— Братцы, — дрожащими голосами передаютъ на баржи ротные командиры, — у „Андрея Первозванного“ 160 тоннъ.

Изъ баржъ доносится глухой, недовольный гулъ.

Въ это время на „Рюрикѣ“ „ясно вижу“ поднято до „мѣста“. Это означаетъ, что всѣ орабли уже сообщили цифры погрузки и въ Шта к эти цифры записаны.

Одновременно со спускомъ флага „И“ на „Рюрикѣ“ на корабляхъ опять слышенъ сигналъ „Слушайте всѣ“ и вслѣдъ затѣмъ команда: „начать погрузку“.

Съ этой минуты начинается нѣчто безумное, знакомое каждому азартному игроку. Корабли „рѣжутся“ на скорость, не щадя своихъ силъ. Офицеры вмѣстѣ съ командой, охваченные страстнымъ порывомъ, насыпаютъ мѣшки, растаскивая ихъ. На баржахъ слышенъ шумъ и глухой хрустъ и почти не слышно человѣческихъ голосовъ; надъ кораблемъ столбомъ стоитъ черная вязкая пыль, которая, забираясь во всѣ щели, дѣлаетъ черными человѣческія лица.

Каждый часъ, точно хлыстомъ, подстегиваютъ роковыя цифры: „Павель I“ — 180 тоннъ, „Андрей Первозванный“ — 160 тоннъ, „Павель I“ — 200 тоннъ, „Андрей Первозванный“ — 190 тоннъ, „Павель I“ —

---

*) Нокъ — окончность реи.

220 тоннъ, „Андрей Первозванный“ — 210 тоннъ. Каждая такая минута сопровождается криками „ура“ у тѣхъ, кто идетъ впереди, и сдавленной злобой у тѣхъ, кто отстаетъ.

Все больше и больше требуется въ баржи воды съ виномъ; баржи почти пустыя, а пузатенькіе буксиры уже тянутъ второй комплектъ баржъ.

Небольшое паденіе скорости погрузки отмѣчаетъ моментъ перестановки баржъ. Послѣ этого азартъ удваивается. „Павель I“ — 250 тоннъ, „Андрей Первозванный“ — 220 тоннъ.

Погрузка подходитъ къ концу. Солнце жарить во всѣ лопатки; жара страшная. Изнемогающіе люди дѣлаютъ послѣднія усилія. „Императоръ Павель I“ — 280 тоннъ*).

Погрузка окончена. Корабли, точно наѣвшіяся допотопныя чудовища, лѣниво отражаютъ свои силуэты въ зеркальной поверхности моря. Вокругъ нихъ поднявшіяся изъ воды, опустошенныя баржи, точно грязная посуда послѣ обильнаго обѣда. Уставшая команда и офицеры лежатъ гдѣ попало, жадно напившись воды и отдыхая послѣ этой страшной работы. Измученные взоры обращены въ сторону „Рюрика“. Вотъ на „Рюрикѣ“ съ мостика поползли къ „нокамъ“ и на „стеньги“ комочки свернутыхъ флаговъ.

— Сигнальщики! — раздается зычный голосъ сигнальнаго унтеръ-офицера Дорошенки. — Сигналъ!

Въ этотъ моментъ на „Рюрикѣ“ сигналъ „разорванъ“, развернувшись красивыми разноцвѣтными флагами. Корабли „репетируютъ“ этотъ сигналъ.

— Азъ, нашъ, — на форъ-брамъ-стеньгу! Глаголь, покой, земля — на правый нокъ. Шевелись,

---

*) Въ 1912 году лин. корабль „Императоръ Павель I“ поставилъ рекордъ скорости погрузки угля какъ въ нашемъ флотѣ, такъ и вообще для кораблей его типа. Въ теченіе одного часа онъ погрузилъ 283 тонны угля, т. е. 19.980 пуд.

дьяволы! Иже, буки, рцы — на лѣвый нокъ! — слышатся отрывистыя распоряженія Дорошенки.

Сигнальщики носятся по мостику, точно пораженные электрическимъ токомъ. Свернутые шарикъ флаговъ уже пристопнены къ „фаламъ“ *).

— Сигналь до „половины“, — раздается команда Дорошенки.

— Адмиралъ — слышится изъ рубки, гдѣ разбираютъ сигналь, — благодарить флотъ за дружную работу.

Разобрано.

— Сигналь до мѣста!

Вслѣдъ затѣмъ команда:

— Сигналь долой!

— Никого не хотить, значить, выдѣлить, — слышится среди команды, которой сигналь былъ сообщенъ немедленно.

— Оно и правильно, ужъ очень рѣзались, всѣ вѣдъ старались, — слышатся голоса въ другомъ мѣстѣ.

— А все таки „андреевцамъ“ далеко до насъ — много швытче у насъ шло, — разглагольствуетъ кто то на бакѣ.

— Ну, господа, — говоритъ старшій офицеръ, — хоть благодарность и общая, но все таки мы въ эту погрузку побили всѣхъ — я слѣдилъ все время, только вначалѣ насъ обставили, а остальные часы мы значительно шли впереди. А у крейсеровъ лучше всѣхъ „Адмиралъ Макаровъ“.

— Сигналь! — слышится крикъ, и вотъ на „Рюрикѣ“ снова ползутъ свернутые комочками флаги. Когда они развернулись — видны позывные линейнаго корабля „Андрей Первозванный“ и броненоснаго крейсера „Громобой“ и затѣмъ какой то сигналь.

— Что это? — слышатся голоса. Мрачно разочарованный голосъ съ мостика передаетъ:

*) Фаль — снасть, на которой подымается сигналь.

— Сигналь Адмирала: „Адмиральъ выражаетъ свое удовольствіе линейному кораблю «Андрей Первозванный» и броненосному крейсеру «Громобой»“.

Это извѣстіе заставило подпрыгнуть тѣхъ, кто лежалъ, и привело въ ярость тѣхъ, кто стоялъ.

— Я не потерплю такого униженія моему кораблю, я сейчасъ ѣду въ Штабъ! — волнуется командиръ.

— Это чертъ знаетъ, что такое! — слышится въ группѣ офицеровъ. — Ну и Штабъ, вотъ ужъ лавочка!

— Петенька! — кричитъ кто то изъ лейтенантовъ, обращаясь къ носящему эту кличку хорошенькому, юному мичману, у котораго пунцовыя, точно дѣвичьи губы дрожатъ отъ негодованія. — Вѣдь оба младшихъ флагъ-офицера*) на „Рюрикѣ“ твоего выпуска — это позоръ перепутать позывные, какъ ихъ терпѣли у васъ?

— Я и самъ не знаю, — отвѣчаетъ милый „Петенька“.

— Господа, — слышится съ другой стороны, — я бы на мѣстѣ „Андрея Первозваннаго“ постыдился бы подымать отвѣтъ „до мѣста“, не понимаю, молъ, сигнала, не разобралъ. Это было бы, по крайней мѣрѣ, прилично.

— Ну, Андреевцы сволочь, — слышно среди команды, — будутъ теперь задаваться да смѣяться: вы, молъ, старались, а насъ благодарятъ.

— Ну, ладно, на берегу посчитаемъ имъ ребра, — бурчатъ угрожающіе голоса. Негодованіе охватываетъ людей.

— Будь я проклятъ, — говоритъ одинъ изъ младшихъ инженеръ-механиковъ, — если въ слѣдующую погрузку буду чтонибудь дѣлать, пусть грузятъ хоть десять тоннъ въ часъ. Мнѣ наплевать.

*) Флагъ-офицеръ — адъютантъ.

Слабая надежда, что сигналъ былъ перепутанъ и сейчасъ будетъ отмѣненъ — не сбылась.

Командиръ готовится ѣхать на „Рюрикъ“, среди офицеровъ и команды слышно недовольное ворчаніе. Казалось, атмосфера негодованія достигла своего апогея.

Въ этотъ моментъ на „Рюрикѣ“ снова взвивается сигналъ. Видны наши „позывные“. Люди жадно смотрятъ на мостикъ. Старшій офицеръ беретъ „мегафонъ“ и голосомъ, который отъ старается сдѣлать спокойнымъ, громко отчеканивая каждое слово, передаетъ:

— Сигналъ: „Линейному кораблю «Императоръ Павелъ I» и броненосному крейсеру «Адмиралъ Макаровъ» Адмиралъ изъявляетъ свое *особое* удовольствіе за блестящую погрузку угля“.

Громкое „ура“, слышное по всему рейду, вырывается изъ груди команды и офицеровъ. Только что бывшее недовольство смѣняется восторгомъ. Люди поняли, что Адмиралъ насъ помучилъ нарочно, чтобы въ самомъ блестящемъ видѣ показать насъ флоту. Побѣда вырвана нами, но какой цѣной!

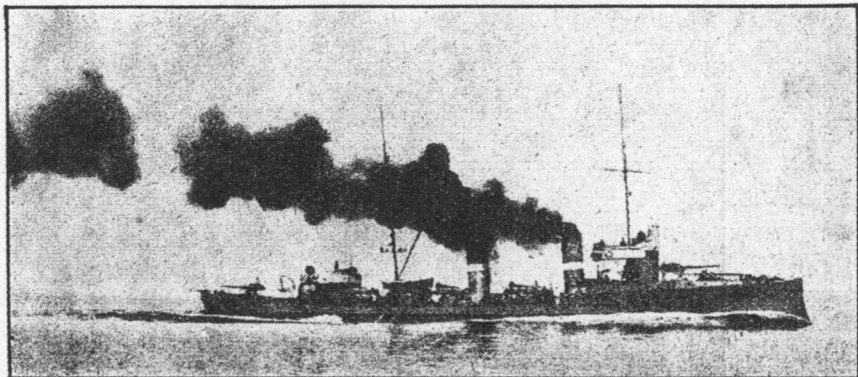
Вы легко можете представить себѣ, дорогіе мои читатели, что будетъ дѣлаться на слѣдующей погрузкѣ угля, когда „Андрей Первозванный“ и „Громобой“, имена которыхъ тоже сегодня стали извѣстны флоту, не на жизнь, а на смерть будутъ бороться съ нами и „Адмираломъ Макаровымъ“ за первенство, которое будутъ отбивать у нихъ не только мы, но и всѣ корабли флота.

День кончается скачиваніемъ корабля и палубы. Затѣмъ люди отдохнутъ, вымоются въ баняхъ и завтра будетъ „генеральная“ приборка для приведенія корабля въ нормальный видъ.

Командующій Балтійскимъ Флотомъ
Адмиралъ Н. О. Эссенъ.

Эскадренный миноносецъ „Пограничникъ“.

ВЫХОДЪ ВЪ МОРЕ.

Грязныя угольныя баржи уже давно уведены въ портъ, корабли получили разрѣшеніе почиститься, покраситься. Послѣ общей уборки мы принялись красить нашъ корабль. Въ этомъ отношеніи „Императоръ Павелъ I“ тоже нѣсколько отличался отъ другихъ кораблей. У насъ плавалъ вольнонаемный маляръ „чистодѣлъ“ Вахрушевъ. Онъ былъ великій мастеръ своего дѣла. Официально онъ числился вольнонаемнымъ камердинеромъ командира. На самомъ же дѣлѣ обязанность его была усовершенствовать малярное дѣло и онъ довелъ его до блестящаго состоянія. По Вахрушеву была видна вся ложь идеи коммунизма. Творчество во всемъ, всегда и вездѣ, — вотъ что, повидимому, является подобіемъ образа Божьяго въ человѣкѣ. Казалось бы, что такое малярное дѣло? Что можетъ быть грязнѣе и скучнѣе, а между тѣмъ Вахрушевъ изъ него создалъ такую отрасль корабельной жизни, на которую съ завистью смотрѣли наши соперники — другіе корабли. Вахрушевъ, землякъ нашего командира, простой русскій крестьянинъ, ничего общаго съ моремъ никогда не имѣлъ, воинскую повинность отбылъ въ арміи и занимался малярнымъ дѣломъ, кажется въ Москвѣ, гдѣ его и отыскалъ нашъ командиръ. Вахрушевъ полюбилъ „Императора Павла I“, кажется, больше насъ всѣхъ. Онъ выбралъ изъ команды сотню, какъ онъ называлъ — „молодцовъ“, въ которыхъ своимъ чутьемъ уловилъ

способности маляровъ, составилъ имъ, какъ мы смѣ-
ясь говорили, „боевое расписание“, отобралъ чело-
вѣкъ 5 исключительно выдающихся и держалъ въ
смыслѣ окраски нашъ корабль въ такой чистотѣ, ко-
торой могли бы позавидовать корабли парусной эпо-
хи. Въ своей малярной каютѣ онъ ревниво хранилъ
секретъ изготовленія красокъ. На рынкѣ по его за-
казу покупались краски самая дешевыя, онъ пускалъ
въ нихъ какой-то „сикативъ“ и окрашенная имъ по-
верхность пріобрѣтала видъ точно полированной ка-
реты, броня наружнаго борта, которая по характеру
своему была матовой, окрашенная сѣрымъ „патентомъ“
Вахрушева пріобрѣтала видъ алюминія или посереб-
ренного металла.

Такъ вотъ, послѣ этой общей погрузки угля,
пользуясь предоставленнымъ намъ Адмираломъ вре-
менемъ, мы произвели общую окраску корабля. Не
буду описывать ея деталей, скажу только, что по
окончаніи ея, глядя со стороны на нашъ огромный
корабль въ 18.000 тоннъ водоизмѣщенія, казалось,
что онъ точно весь посеребренный. Поразительно
красивъ онъ былъ, кокетливо нѣжась подъ лучами
яркаго солнца, въ тихую штилевую погоду, на ясной
поверхности сине-зеленаго моря. Наружный бортъ,
казематы, башни и орудія были окрашены „шаро-ди-
кимъ“*) цвѣтомъ. Ростры, надстройки, боевыя рубки,
шлюпки и трубы — сѣрымъ цвѣтомъ. Мачты —
свѣтлосѣрымъ цвѣтомъ. Прибавлю ко всему этому,
что Вахрушевъ умудрялся дѣлать такую экономію,
что изъ отпускаемыхъ „окрасочныхъ денегъ“ онъ не
только вырабатывалъ свое собственное жалованіе, не
только дѣлалъ громадныя запасы красокъ, лаковъ,
чистоты, кистей, шпаклевки и проч., но изъ экономіи

---

*) „Шаро-дикій“ — темновато-сѣрый цвѣтъ.

этихъ суммъ мы смогли пріобрѣсти для команды кинематографическій аппаратъ съ отличнымъ экраномъ и абонироваться на еженедѣльную „программу“ лучшихъ тогда кинематографическихъ фильмъ. Сверхъ того, на эти же суммы была создана прекрасная фотографія и производились снимки всей жизни нашего корабля и флота. Сеансы кинематографа у насъ производились разъ или два въ недѣлю. Въ правомъ 8" казематѣ, послѣ ужина команды, ставился экранъ. Въ канцеляріи отпечатывались программы, правѣе экрана садился хоръ балалаечниковъ и затѣмъ съ вахты давалась дудка „желающіе въ кинематографъ“. Когда желающіе собирались, докладывалось командиру. При его входѣ „публика“ вставала, балалаечники исполняли „Павловскій“ маршъ, затѣмъ всѣ садились и мичманъ, завѣдующій кинематографомъ, сообщалъ о началѣ сеанса. Балалаечники начинали что-нибудь изъ любимыхъ мотивовъ, а на экранѣ появлялось то, что въ этотъ моментъ можно было видѣть во всѣхъ лучшихъ кинематографахъ. Передъ нашей командой и нами проносились виды Африки, Японіи, маневры американскаго флота, скачки въ „Лонгъ-Шанъ“ въ Парижѣ, спускъ новаго парохода „White Star“, открытіе сельско-хозяйственной выставки въ Петербургѣ. Какая-нибудь драма въ родѣ „Черная маска съ бѣлыми зубами“, что-нибудь комическое съ неизмѣннымъ тогда Максомъ Линденомъ и кончалось обыкновенно кускомъ фильма изъ жизни Балтійскаго флота. Послѣ окончанія сеанса всѣ расходились изъ „кинематографа“ и судовая жизнь вступала въ обычную колею. Такъ было и въ этотъ вечеръ послѣ описанной выше окраски. Шумной толпой, обсуждая какіе-то выдающіеся эпизоды изъ только-что просмотрѣнныхъ фильмъ, офицеры спускались въ каютъ-компанію. Старшій инженеръ-механикъ и батюшка сѣли играть въ „трикъ-тракъ“.

„Никола“ съ „Петенькой“ уже вертѣлись около рояля, готовясь задать вечернюю порцію музыки, часть публики развалилась на креслахъ и диванахъ съ журналами и книжками въ рукахъ. Кто-то изъ мичмановъ сидѣлъ у письменнаго стола, тщательно выводя письмо „къ ней“ и боязливо оглядываясь, чтобы кто-нибудь изъ оворниковъ — его товарищей — не подсмотрѣлъ бы, кому онъ пишетъ. Часто публика выражала свою жажду обычными фразами: „вѣстовые, чаю поскорѣе и съ лимономъ!“ или „вѣстовые, соду-виски со льдомъ!“ Казалось, что ничто не должно нарушить этого обычнаго мирнаго вечера. Въ каютъ-компанію вошелъ старшій офицеръ, который что-то задержался послѣ кинематографа у командира и обычнымъ, слегка картавящимъ голосомъ объявилъ, что командиръ проситъ къ себѣ ревизора, старшаго штурмана и старшаго инженеръ-механика. Всѣ трое, нѣсколько иронически посматривая на артиллеристовъ, двинулись въ командирское помѣщеніе. „Никола“, проходя мимо насъ, не могъ удержаться, чтобы не сдѣлать своего обычнаго комичнаго вида, немного похожаго на „парадъ алле“ борцовъ цирка, которымъ онъ показывалъ намъ — артиллеристамъ, что онъ находится при исполненіи служебныхъ обязанностей и проситъ „оградить“ его отъ фамиллярностей. За нимъ въ кильватеръ вышелъ „Лысикъ“, а затѣмъ и старшій инженеръ-механикъ, съ сожалѣніемъ взглянувшій на недоигранную партію въ „трикъ-тракъ“.

Всѣ трое вернулись черезъ часъ, но толкомъ отъ нихъ ничего добиться было нельзя. Только „Лысикъ“ сказалъ, что командиръ велѣлъ купить 2-хъ коровъ и необходимое число сосокъ, чтобы выпаивать мичмановъ молокомъ. Отвѣтъ былъ явно несообразный, а то, что „Никола“, вмѣсто того, чтобы играть на рояли, отправился въ каюту съ картами, а старшій инженеръ-механикъ, бросившій игру въ

„трикъ-тракъ“, ушелъ къ себѣ въ каюту, куда черезъ нѣкоторое время вызвалъ одного изъ своихъ помощниковъ и кочегарныхъ и машинныхъ кондукторовъ — показало, что мы готовимся къ походу. До полночи съ вахты прислали сигналъ: „Завтра, къ 10 часамъ утра флоту имѣть пары разведенными для 12 узлового хода. Имѣть запасъ провизіи на столько-то дней“. Ночью жилия помѣщенія корабля наполнились характернымъ запахомъ перегорѣлаго пара и масла. Въ нѣдрахъ корабля, въ кочегаркахъ, уже шла невидимая внѣ жизнь. Кочегарная вахта копошилась у топокъ, слышалось урчаніе, стукъ помпъ, точно шелъ процессъ пищеваренія въ желудкѣ какого-то громаднаго чудовища. Для кочегаровъ и машинистовъ наступала страдная пора.

Рано утромъ „Лысикъ“ съ баталерами, рестораторами и командой, назначенной на пріемку провизіи, „смотался“ на баркасѣ на берегъ. Скоро онъ вернулся, заявивъ, что провизія будетъ къ 9 часамъ утра. „Не ревизоръ, а золото“, похвалилъ его при утреннемъ рапортѣ командиръ; къ этому времени всѣ шлюпки были подняты и завалены на ростры. Еще до 9 часовъ вернулся баркасъ съ провизіей, которую выгрузили и все быстро портящееся помѣстили въ нашъ великолѣпный „рефрижираторъ“. Къ 9 часамъ утра машины были спробованы, послѣднія шлюпки подняты. Ровно въ 9 часовъ утра по палубамъ корабля горны заиграли сигналъ „сборъ въ колонну“, по которому задраиваются всѣ водонепроницаемыя переборки. Вслѣдъ за тѣмъ команда вахтеннаго начальника: „унтеръ-офицеры къ люкамъ“, за которой слышался мелодическій свистъ десятковъ унтеръ-офицерскихъ дудокъ, точно хоръ птичекъ, и затѣмъ команда, повторяемая громко всѣми унтеръ-офицерами: „всѣ наверхъ, приготовиться къ походу, орудія

закрѣпить, грунтовы*) и найтовы**) положить, обвѣсы поставить, все закрѣпить по походному“. За это время на всѣхъ корабляхъ опробовали свистки и сирены. Черезъ нѣкоторое время дудка „подвахтенные внизъ“ извѣстила, что приготовленіе къ походу кончено. У всѣхъ кораблей трапы уже убраны. По рейду прошелъ моторный катеръ службы связи, развозящій по кораблямъ послѣдніе пакеты изъ Штаба. Безъ четверти 10 ч. команда: „рулевые на руль, лотовые на лотъ, комендоры къ канату“. „Канатъ подтянуть до 20 сажень“, слышно съ мостика. Ровно въ 10 часовъ на „Рюрикѣ“ поднято „буки“ (флагъ, означающій одновременно „больше ходъ“, „Адмиралъ требуетъ скорого исполненія“ и „снятъ съ якоря всѣмъ вдругъ“). „По мѣстамъ стоять, съ якоря сниматься“, слышно съ мостика, гдѣ уже находится командиръ, старшій офицеръ и „Никола“ со своими рулевыми сигнальщиками.

— Ваше-скородіе, „Цесаревичъ“ панерь***).

— Сколько сажень на клюзѣ?****) — слышится голосъ старшаго офицера.

— 15 сажень на клюзѣ, — доносится голосъ баковаго лейтенанта.

— „Рюрикъ“ — сталъ-якорь*****). Панерь, — доносится съ бака.

— Ваше-скородіе, „Рюрикъ“, „Цесаревичъ“ — шары на стопъ.

---

*) Грунтовы — широкія полосы, прошитыя парусиною, которыя удерживаютъ на походѣ чехлы.

**) Найтовы — снасти, которыми все могущее шататься или двигаться, прикрѣпляется къ палубѣ.

***) Панерь — вертикальное положеніе якорнаго каната.

****) Клюзъ — отверстіе, сквозь которое черезъ наружный бортъ проходитъ якорный канатъ.

*****) Сталъ-якорь — положеніе, когда якорь оторвался отъ грунта.

— Сталъ-якорь, — слышно съ бака и вскорѣ затѣмъ — чистъ-якорь*).

— Ваше-скородіе, „Цесаревичъ“, „Рюрикъ“, „Громобой“ — шары „на малый ходъ“ — докладываютъ сигнальщики.

Въ этотъ моментъ изъ Ревельской гавани, изъ всѣхъ воротъ лихо вылетаютъ дивизіоны эскадренныхъ миноносцевъ 1-й минной дивизіи — это наша кавалерія. Вотъ полу-дивизіонъ особаго назначенія, вотъ „Француженки“ типа „Молодецкій“, вотъ „Финнъ“, „Эмиръ Бухарскій“, „Войсковой“ и другіе. 36 красивыхъ силуэтовъ проносятся по рейду среди снимающихся съ якоря судовъ флота. Весь рейдъ точно въ движеніи, слышны звуки марша оркестровъ, играющихъ на флагманскихъ корабляхъ. Пока наши любимцы — дивизіоны первой минной дивизіи — выходятъ съ рейда въ море, я напому нашимъ читателямъ, съ какими тяжестями приходится имѣть дѣло при съемкѣ съ якоря. На „Императорѣ Павлѣ I“ станове якоря вѣсили каждый около 900 пудовъ, каждое звено якорнаго каната около 3-хъ пудовъ. Въ одной сажени каната 6 звеньевъ.

У всѣхъ кораблей шары на „малый ходъ“. Красавецъ „Рюрикъ“ забурлилъ винтами и ложится на „створъ“**). За кормой его тянется полоса бѣлой пѣны. „Шары долой“, „Рюрику“ въ кильватеръ ложится „Цесаревичъ“, за нимъ „Слава“, „Андрей Первозванный“ и мы. За нами „Громобой“, „Паллада“, „Баянъ“, „Адмиралъ Макаровъ“, далѣе отрядъ заградителей. Поразительно красива картина выхода флота въ море!

---

*) Чистъ-якорь — положеніе, когда якорь, вынутый изъ воды, не замотанъ канатомъ.

**) Створъ — линія соединенія какихъ-нибудь двухъ предметовъ на берегу, по которой входятъ и выходятъ съ рейда въ море.

На мостикъ радостное возбужденіе. Походы! Походы! У „Николы“, который сегодня является бенефициантомъ, глаза сіяютъ. Подставивъ навстрѣчу соленному морскому вѣтру свое покраснѣвшее на солнцѣ лицо, онъ, показывая на „Рюрикъ“, продекламировалъ свои любимые стихи Ал. Толстого:

Плещутъ весла, блещутъ брони,
Топоры звенятъ стальные
И какъ бѣшеные кони
Ржутъ волынки боевыя.
И начальнымъ правя дубомъ,
Самъ, въ чешуйчатой рубахѣ,
Боривой киваетъ чубомъ: —
„Добрый день, отцы монахи!“

Мы иногда въ шутку называли нашего любимого адмирала Н. О. Эссена — „Боривоемъ“, а флагманскій корабль „Рюрикъ“ — „Начальнымъ дубомъ“.

Длинная линія кораблей растянулась далеко съ рейда въ море. Впереди, точно своры гончихъ собакъ, бѣгутъ дивизіоны эскадренныхъ миноносцевъ. Только что мы вышли на „чистую воду“, какъ снова засуетились сигнальщики:

— Сигналъ съ „Рюрика“: „Адмиралъ показываетъ курсъ“ — и вслѣдъ затѣмъ: „флоту быть въ порядкѣ номеръ такой-то“; „эскадренный ходъ 12 узловъ“. Крейсера, красиво описавъ координаты вправо, прибавили ходъ и вышли на правый траверзъ линейныхъ кораблей. Отрядъ заградителей, прибавивши ходъ, вступилъ въ замокъ колоннамъ линейныхъ кораблей и крейсеровъ. Два дивизіона эскадренныхъ миноносцевъ, точно стайки шаловливыхъ рыбокъ, брызнули вправо и влево, образовавши дозоръ вѣеромъ впереди идущаго флота. Одинъ дивизіонъ ушелъ на лѣвый траверзъ линейныхъ кораблей, другой на правый траверзъ крейсеровъ.

Только теперь узнали мы, куда идемъ.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОДЪ.

— Заграничный походъ, ура! — слышалось въ каютъ-компани; эти же радостныя слова носились и въ командныхъ помѣщеніяхъ. „Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, морскимъ силамъ Балтійскаго моря въ воздаяніе прекрасно проведенныхъ стрѣльбъ и маневровъ назначенъ заграничный «вояжъ» на одинъ мѣсяць“ — такъ гласила секретная директива Командующаго, полученная командиромъ. — Портомъ назначенія опредѣлялся Копенгагенъ. За время похода флотъ будетъ упражняться въ эволюціяхъ, совмѣстномъ плаваніи въ различныхъ строяхъ, обученіи дальномѣрщиковъ и сигнальщиковъ, тактическихъ упражненіяхъ, плаванію ночью безъ огней. Съ командами произвести занятія по географіи и исторіи той страны, куда мы идемъ, съ гардемаринами и молодыми офицерами производить занятія по мореходной астрономіи, навигаціи и лоціи. Такова была письменная инструкція Адмирала на этотъ походъ.

— Ну, наконецъ то перерывъ въ этой артиллерійской лавочкѣ, — слышалось единодушное ликование среди офицеровъ, — а то вѣдь все лѣто „утюжили“ море передъ ихъ проклятыми щитами; наконецъ то мы занимаемся настоящимъ морскимъ дѣломъ и плаваніемъ. Бѣдные артиллеристы, будучи сами въ восторгѣ отъ заграничнаго плаванія, слабо огрызались на эти замѣчанія — что, молъ, они просятъ не забывать,

что заграничное плаваніе назначено въ „награду“ за хорошія стрѣльбы.

Радостно прошелъ обѣдъ. „Никола“ почти не спускался съ мостика, все время побуркивая, что хорошо бы подунитожить девицію*) компасовъ.

— Ну, „Николушка“, не втирай очки, — утѣшали мы его, — ты вѣдь послѣ каждой стрѣльбы ковырялся со своими компасами. — При адмиралѣ Н. О. Эссенѣ уже на всѣхъ корабляхъ штурманы привыкли сами уничтожать девицію. Не то было до русско-японской войны, когда девиція уничтожалась портовыми девиаторами и когда послѣ долгихъ переходовъ и стрѣльбъ компасы, бывало, показывали вмѣсто курса, какъ у насъ остроли, „цѣны дровъ на базарѣ“.

Послѣ полдня этого дня по линіи бригадъ съ „Рюрика“ былъ переданъ семафоръ, что „передъ заходомъ солнца въ квадратъ № такой-то ожидать «рандеву» со второй минной дивизіей“. Только что мы подошли къ указанному мѣсту, какъ справа на горизонтѣ показались стройные силуэты точно стелющихся по водѣ миноносцевъ второй минной дивизіи. Въ строяхъ кильватерныхъ колоннъ дивизионовъ ихъ изящные силуэты быстро приближались къ намъ, вотъ они уже чуть впереди нашего праваго траверза. Точно по мановенію волшебной палочки они повернулись „всѣ вдругъ“ на 180° и легли съ нами на параллельный курсъ. Солнце медленно катилось къ западу; по морю побѣжали красноватые блики роскошнаго заката. Въ этотъ моментъ съ „Рюрика“ былъ переданъ сигналъ: „Построиться въ ночной походный порядокъ номеръ такой то“. По этому сигналу обѣ минныя дивизіи ушли въ арьергардъ; адмиралъ Н. О. Эссенъ твердо внушилъ еще

---

*) Девиція — отклоненіе компасной стрѣлки подъ вліяніемъ судового желѣза.

въ мирное время, что „всякій миноносецъ, оказавшійся впереди траверза ночью, долженъ быть разстрѣлянъ, а потомъ уже надо справляться о его національности“.

Крейсеры легли въ кильватеръ линейнымъ кораблямъ, отрядъ заградителей въ кильватеръ крейсерамъ. Строй флота превратился въ длинную линію. Корабль отъ корабля 2 кабельтова*), бригада отъ бригады 3 кабельтова. Передъ заходомъ солнца, когда кровавый красный дискъ былъ на три четверти своей величины надъ видимымъ горизонтомъ, „Никола“ успѣлъ опредѣлить девицію по „истинному заходу солнца“. Какъ и слѣдовало ожидать, „девиція“ оказалась маленькая. Солнце зашло. Корабли спустили флаги и зажгли ходовые огни: зеленые съ праваго борта, красные съ лѣваго, топовые надъ формарсами, добавочные топовые (быстроходные) надъ гротъ-марсами повыше и гакабортные съ опредѣленнымъ угломъ освѣщенія назадъ. Точно громадный плавучій городъ опредѣлился на потемнѣвшей поверхности воды. Длинная уходящая на востокъ линія огней главныхъ силъ и далеко позади нее — море огней идущихъ параллельными колоннами дивизионовъ обѣихъ минныхъ дивизій. Красота этой картины ночного плаванія флота неопишима!

Мы съ наслажденіемъ, гуляя на ютѣ, любовались этимъ величественнымъ зрѣлищемъ. „Гардешки“ (корабельные гардемарины) и молодые мичманы съ секстанами, съ секундомѣрами и полу-хронометрами въ рукахъ принялись „ловить звѣзды“: Альфа — Ursae Minoris, Арктуръ, Альдебаранъ, бета — Ursae Majoris, Альфа Лира, — слышалось въ одной группѣ; отсчетъ: $40^{\circ}30'43''$ — доносилось съ другой стороны; моментъ: — $2^{\text{h}} 3^{\text{m}} 46^{\text{s}}$; сличеніе: — $1^{\text{h}} 25^{\text{m}} 3^{\text{s}}$, — бурчалъ чай то

*) 10 кабельтовыхъ = 1 морской милѣ, 1 морская миля = $1\frac{3}{4}$ версты.

голосъ изъ кормовой рубки. Вся эта публика занималась опредѣленіемъ мѣста корабля въ морѣ „по способу Сомнера“. Справа и слѣва виднѣлись проблески маяковъ сѣверныхъ и южныхъ береговъ Финскаго залива. Въ такую ночь не хотѣлось сидѣть въ каютъ-компаніи — слишкомъ хорошо было наверху.

Старшій офицеръ, „страдалецъ и мученикъ“ на якорѣ, теперь на ходу пользовался заслуженнымъ отдыхомъ. Съ наслажденіемъ, лежа въ „шезъ-лонгѣ“, вдыхалъ онъ полной грудью роскошный морской воздухъ, слегка насыщенный солью и пахнуцій іодомъ. На ходу вся тяжесть службы ложится на командира, онъ почти не сходитъ съ мостика и во время похода живетъ въ походной командирской рубкѣ, гдѣ обыкновенно и завтракаетъ и обѣдаетъ.

Вдоль линіи кораблей замелькали сигналы клотикомъ*). Сигналь съ „Рюрика“: „Закрѣть огни“.

Мгновенно волшебная картина исчезаетъ, въ морѣ ничего нѣтъ, весь флотъ точно пропалъ, только вахтенному начальнику, стоящему на мостикѣ, видны одинъ надъ другимъ 2 гакабортныхъ огня идущаго впереди корабля. Да и видны они только, пока вы точно идете въ кильватеръ, чуть „вильнулъ“ рулевой, и они скрылись. У вахтеннаго начальника въ рукахъ маленькая деревянная рогулька со вставленными въ нее призмочками кварца. Посмотришь сквозь эту призмочку на огни впереди идущаго корабля, и они точно приблизились одинъ къ другому. Если они слились въ одну свѣтящуюся точку — это значитъ, разстояніе между кораблями вѣрное — 2 кабельтова. Начинаютъ расползаться точки — значитъ, или отстаешь или нагоняешь, смотря какая куда идетъ. Вотъ стоитъ вахтенный начальникъ свои четыре часа на ходовомъ мостикѣ и внимательно посматриваетъ

---

*) Клотикъ — верхушка мачты.

въ призмочку, называемую „призмочкой Белли“. Вотъ поползла верхняя точка внизъ — значить, нагоняемъ впереди идущаго „Андрея Первозваннаго“, или онъ отстаетъ и насѣдаетъ на насъ, такъ и хочется убавить ходъ, такъ и кажется, что громадная масса въ 18.000 тоннъ на ходу въ 12 узловъ врѣжется въ идущій впереди корабль. Главнымъ качествомъ вахтеннаго начальника является спокойствіе и отсутствіе торопливости; бываетъ все же, что онъ не выдержитъ и не только не уменьшитъ ходъ, но „выскочитъ изъ строя“. Но зато какъ гордится вахтенный начальникъ, когда онъ „не дергаетъ“ машинъ. Стоитъ на вахтѣ, скажемъ, „Роза“, а въ машинѣ вахтеннымъ механикомъ „Малышка“ (одинъ изъ младшихъ инженеръ-механиковъ), и вотъ потомъ они хвастаются, что за всю вахту всего разъ или два мѣняли число оборотовъ. Но, помнится, всѣхъ насъ въ этомъ смыслѣ перещеголяла пара: „Лысикъ“ — „Паровой осель“, нервы которыхъ и вправду были очень хороши. Они за всю вахту умудрились ни разу не трогать машинъ, что бы ни дѣлалось съ переднимъ и заднимъ мателотами*). Правда, потомъ мы дразнили „Лысика“, что онъ это сдѣлалъ не изъ храбрости, а изъ за „несознанаія опасности“.

Но вотъ опять сигналъ съ „Рюрика“, опять замигали клотики: „Открыть прожекторы“; на всѣхъ корабляхъ зажглись прожекторы и бѣлыми снопами яркаго электрическаго свѣта начали „щупать“ горизонтъ. Слѣдующимъ сигналомъ съ „Рюрика“ было приказано двумъ крейсерамъ выйти изъ строя, одному вправо, другому влѣво, и итти на траверзахъ колонны на предѣлы достигаемости прожекторныхъ сноповъ. Вслѣдъ затѣмъ всѣмъ кораблямъ было приказано

---

*) Мателотъ — идущій впереди или сзади корабль въ строю.

освѣщать эти крейсера и производить по нимъ наводку орудій ночными прицѣлами. Въ свою очередь крейсера освѣщали по своему выбору корабли, то закрывая, то открывая прожектора, то перенося свѣтящіеся снопы съ одного корабля на другой. Этими упражненіями комендоры-наводчики пріучались наводить въ слабо освѣщенный силуэтъ и не терять наводки, когда непріятельскій корабль ослѣпляетъ своими прожекторами. Въ это же время дальномѣрщики на всѣхъ корабляхъ упражнялись въ опредѣленіи разстояній.

Опять сигналъ Адмирала „Закрѣть прожекторы, открыть огни, такимъ то крейсерамъ вступить въ строй“. И вотъ вновь волшебная картина идущаго съ огнями флота.

На ходу, ввиду тяжести ходовой вахтенной службы, ночныя смѣны вахтъ команды и офицеровъ получали при вступленіи на вахту и послѣ смѣны — пищу. Въ каютъ-компаніи этотъ ночной столъ назывался „закуской вахтеннаго начальника“. Предсѣдательствовалъ на ней вступающій, а послѣ смѣны — смѣнившійся вахтенный начальникъ. Нашъ рестораторъ Колесовъ подавалъ въ этихъ случаяхъ довольно обильную холодную закуску и что нибудь „горяченькое“.

Такъ было и въ эту ночь. Надо сказать, что на военныхъ корабляхъ, согласно Морского Устава*), командиръ можетъ входить въ каютъ-компанію, лишь по приглашенію. Когда закончились ночныя упражненія — наступило время смѣны ночной вахты въ 12 часовъ ночи; эта вахта у насъ называется „собака“. Смѣнившійся съ вахты вахтенный начальникъ, любившій, какъ и мы всѣ, нашего доблестнаго коман-

---

*) Морской уставъ — книга X Св. Морск. Постановленій.

дира капитана 1 ранга А. К. Небольсина*), подошелъ къ нему и попросилъ его не отказать закусить у насъ въ каютъ-компаніи. Командиръ, видя, что ночной „дивертисментъ“ кончился, любезно согласился, и въ каютъ-компаніи за этой закуской оказались: командиръ, смѣнившійся съ вахты вахтенный начальникъ, два вахтенныхъ офицера и вахтенный инженеръ-механикъ. По окончаніи закуски вахтенный начальникъ распорядился подать кофе и фрукты, а командиръ попросилъ разрѣшенія привѣтствовать всѣхъ виномъ. Командирскій вѣстовой на серебряномъ подносѣ принесъ замороженный „Cordon rouge“ и милая бесѣда „затянулась далеко за полночь“.

Подошелъ кое-кто изъ „шакаловъ“, такъ въ шутку мы называли не стоявшихъ вахту — батюшку, старшаго инженеръ-механика и докторовъ.

Командиръ интересно рассказывалъ про бытность свою военно-морскимъ агентомъ въ Америкѣ, батюшка разсуждалъ съ кѣмъ-то о русской литературѣ, которую онъ очень хорошо зналъ и любилъ, — тихая бесѣда, несмотря на усталость отъ вахты, мирно лилась подъ стукъ могучихъ машинъ „Императора Павла I“**). Наконецъ, командиръ сказалъ, что всѣмъ пора спать, поблагодарилъ за гостепріимство и ушелъ на мостикъ.

Наступившій день засталъ нашъ флотъ въ томъ же порядкѣ идущимъ къ Балтійскому морю. Вотъ и оно. Широкая синяя гладь, береговъ ужъ нигдѣ не видно. Начались эволюціи. Крейсера ушли въ дозоръ впереди флота. Два дивизиона 1-ой минной дивизіи составили дозорную цѣпь еще дальше, впереди крейсеровъ. Такъ подошли мы къ Фемарнъ-Бельту. Вотъ

---

*) Убитъ большевиками въ 1917 году по списку, составленному нѣмецкимъ Морск. Генер. Штабомъ.

**) Сила нашихъ машинъ была около 17.600 индикаторныхъ силъ.

и Ланге-ландъ и входъ въ Бельты. Опять флотъ растянулся ниточкой кильватерной колонны. Справа и слѣва чужіе, не русскіе берега. Флотъ красиво входитъ на Копенгагенскій рейдъ въ строю бригадъ, отрядовъ и дивизионовъ. На форъ-брамъ-стеньгѣ „Рюрика“ взвивается датскій флагъ. Съ „Рюрика“ доносится громъ пушечнаго „салюта Націи“. На мачтѣ крѣпости взвивается русскій флагъ и гремитъ отвѣтный салютъ въ 21 выстрѣлъ.

Флотъ становится на якорь по указанію лоцмановъ „всѣ вдругъ“. Въ гавани видны Императорская яхта „Полярная Звѣзда“ и яхта англійскаго короля „Victoria and Albert“.

Около „Рюрика“ уже катеръ подъ датскимъ флагомъ — это, согласно правиламъ морской международной вѣжливости, прибылъ офицеръ, дабы поздравить насъ „съ благополучнымъ прибытіемъ“ и спросить, не требуется ли намъ „провизія, уголь, вода и докторъ“. Затѣмъ сигналъ съ „Рюрика“ „разрѣшается имѣть сообщеніе съ берегомъ“ извѣщаетъ насъ, что всѣ свободные отъ службы могутъ ѣхать наслаждаться всѣми прелестями незнакомаго прекраснаго года. Походъ оконченъ! Мы заграницей!

БАЛЪ НА „РЮРИКЪ“.

Всѣ официальные визиты сдѣланы; адмиралъ Н. О. Эссенъ вмѣстѣ съ начальниками бригадъ, дивизій и отряда объѣхалъ всѣхъ лицъ въ Копенгагенѣ согласно списка, составленнаго нашимъ консуломъ. Для адмираловъ и командировъ судовъ состоялся пріемъ въ нашей миссіи. На „Рюрикъ“ и другіе наши флагманскіе корабли ежедневно, послѣ подъема флага, заѣзжала масса лицъ съ отвѣтными визитами. На „Рюрикъ“ состоялся официальный парадный завтракъ, на который были приглашены: нашъ посланникъ, весь составъ Императорской Россійской Миссіи въ Копенгагенѣ, генеральный консулъ и рядъ датчанъ, официальныхъ лицъ, по указанію нашего посланника. Отъ эскадры на этомъ завтракѣ присутствовали адмиралы и командиры всѣхъ судовъ. Офицеры, гардемарины и команда въ это время знакомились съ Копенгагеномъ во всѣхъ его деталяхъ. Офицеры, какъ полагается за границей, съѣзжали на берегъ въ штатскомъ платьѣ. Бѣдные вѣстовые сбились съ ногъ, „вооружая“ незнакомые имъ доселѣ костюмы.

— Ваше-скородіе, какое „вольное“*) прикажете „вооружить“ — синее съ бѣлымъ, али все бѣлое, а можетъ „чмокингъ“? — доносится изъ одной каюты.

---

*) „Вольнымъ“ платьемъ матросы называютъ штатское платье.

— Ваше-скородіе, рябинькое или сѣрое — слышно изъ другой — и такъ ежедневно съ утра.

Офицеры и гардемарины носились по магазинамъ, покупая разную заграничную дребедень. Матросы возвращались съ берега съ узелками „гостинцевъ“, состоящими большей частью изъ предметовъ одежды. Иногда эти покупки были забавны.

— Ты что купилъ? — спрашиваютъ товарищи молодого, чернявенькаго матроса.

Тотъ вытаскиваетъ изъ своего узелка что-то розовое и когда разворачиваетъ, то кругомъ вспыхиваетъ дружный хохотъ. Въ рукахъ у сконфуженнаго покупателя оказываются шелковыя дамскія панталоны, обшитыя кружевомъ.

— Ты кому это? — прорывается сквозь хохотъ.

— Да я, того, женѣ, въ деревню.

— Эхъ, ты дуракъ, — говоритъ ему кто-то дѣловито, — да она, ежели баба умная, тебя кочергой по башкѣ за это двинетъ. Привезъ бы ей холста или полотна, или сапоги, скажемъ, а на кой ей прахъ эта штука-то?

Бывали также смѣшны письма матросовъ изъ-за границы на родину.

Приходитъ какой-нибудь шупленькій матросъ къ офицеру, приносить открытку съ видомъ городского парка въ Копенгагенѣ и съ датской надписью „København“ и, за неграмотностью, проситъ офицера написать письмо родителямъ: „Дорогіе мои и ненаглядные родители, нашъ корабль съ другимъ флотомъ Россійскимъ стоитъ въ Іерусалимѣ. Господа офицера и мы, команда, ходили поклониться Гробу Господню. Прошу Вашего родительскаго благословенія, а еще кланяюсь дядѣ Петру, дядѣ Дрону, теткѣ Аринѣ...“ и т. д. Заканчивается письмо словами: „вашъ покорный сынъ Василій Алферовъ, матросъ второй статьи линейнаго корабля Императоръ Павелъ I.“

— Ты что же это врешь своимъ родителямъ?
— говоритъ офицеръ, пишуцій письмо.

— Ваше-скородіе, — виновато отвѣчаетъ матросъ, — они люди старые, про Датскую землю отродясь не слыхали. Никакого антиресу имъ не будетъ читать про Копенгагенъ, вотъ про Іерусалимъ, — это они радоваться будутъ, что я сподобился побывать.

— Да вѣдь тутъ на карточкѣ, — говоритъ офицеръ, — изображенъ городской паркъ въ Копенгагенѣ, что и написано по-датски, они сразу же и увидятъ, что ты врешь.

— Никакъ нѣтъ, Ваше-скородіе, они люди неграмотные, а по иностранному и самъ волостной писарь не разберетъ. Подумаютъ, что это садъ Гефсиманскій и пуще будутъ радоваться.

Такъ и пошло это письмо въ какой-то медвѣжій уголокъ далекой Вятской губерніи.

За время стоянки въ Копенгагенѣ всѣ корабли накупили запасовъ разныхъ вещей, которыя здѣсь дешевле, чѣмъ въ Россіи. Покупалась „чистота“, краска, кисти, матросскіе „тѣльняшки“*), хорошее черное рыбацье дождевое платье для сигнальщиковъ и прислуги паровыхъ катеровъ.

Уже близилось время возвращенія обратно домой. Съ „Рюрика“ было сообщено, что Адмиралъ дастъ для населенія Копенгагена на „Рюрикѣ“ прощальный „five o'clock tea“ съ танцами. По кораблямъ изъ штаба были разсланы пачечки пронумерованныхъ билетовъ для приглашенія каждымъ кораблемъ на „Рюрикѣ“ новыхъ знакомыхъ. Къ назначенному дню и часу со всѣхъ кораблей на „Рюрикѣ“ были вызваны „танцующіе“ офицеры, — а въ портъ были отправлены паровые катеры съ гребными катерами на буксирѣ — для доставки гостей. Въ ожиданіи

---

*) „Тѣльняшка“ — матроская полосатая фуфайка.

ихъ на „Рюрикъ“ лихорадочно хлопотали „флажки“*) и приданные имъ на помощь молодые мичманы и гардемарины съ разныхъ кораблей. Грозный „Рюрикъ“ былъ въ этотъ день превращенъ въ прелестный поэтический уголокъ. Отъ центрального каземата на корму, надъ ютомъ**), былъ натянуть тентъ. У лѣваго каземата, въ устроенной изъ досокъ раковинѣ, помѣстился адмиральскій оркестръ, усиленный оркестрами съ другихъ флагманскихъ кораблей. У праваго каземата и вокругъ кормовой 10" башни были устроены открытые буфеты, стояли хрустальные вазы съ фруктами, блюда съ сандвичами и съ холодными закусками: ветчиной, дичью, телятиной и пр. На каждомъ столѣ помѣщалась стеклянная посуда съ любимой иностранцами свѣжей и паюсной икрой. За стойками буфетовъ стояли баки съ ледяными — оршадомъ, лимонадомъ, цитронадомъ, оранжадомъ и пр. На самой кормѣ, на верхней палубѣ, стояли соломённые столики съ разложенными на нихъ дорогими сигарами и ящики съ цѣнными иностранцами хорошими русскими папиросами. Адмиральскій рестораторъ, съ приданными ему для помощи рестораторами и вѣстовыми съ другихъ кораблей, спѣшно заканчивалъ изготовленіе на эту массу приглашенныхъ: мороженнаго, пломбировъ, кремъ-брюле и пр.

Въ офицерской каютѣ-компаніи „Рюрика“ съ прекрасно исполненными „панно“ въ стилѣ Бѣма изъ русскаго быта, превращенной въ баръ, нашъ „Никола“, великій знатокъ рецептовъ всѣхъ коктейлей и апперативовъ всего міра, спѣшно объяснялъ назначеннымъ въ его распоряженіе вѣстовымъ, какъ и гдѣ расположить необходимые ему элементы сложныхъ составовъ этихъ напитковъ, какъ наладить непрерывную подачу льда, холодной и горячей воды и т. д.

*) „Флажки“ — шутливое названіе флагъ-офицеровъ.

***) Ютъ — верхняя палуба кормовой части корабля.

Скрытый въ зелени, въ одномъ изъ уголковъ каютъ-компаніи, оркестръ балалаечниковъ „налаживалъ“ свои домры, балалайки, примы, пастушьи свирѣли и проч. Адмиральское помѣщеніе въ этотъ день было оборудовано подъ зимній садъ.

Все готово! Ждутъ гостей!

Офицеры въ бѣлыхъ кителяхъ, распорядители танцевъ съ голубенькими ленточками андреевскихъ цвѣтовъ, заколотыми золотой или серебряной пряжкой съ якоремъ на правомъ плечѣ, хлопчутъ на верхней палубѣ.

На всѣхъ столикахъ каютъ-компаніи и адмиральскаго помѣщенія разставлены „вѣтрогоны“*). Флагъ-офицеры спѣшно раскладываютъ на одномъ изъ столиковъ горки прекрасно отпечатанныхъ въ типографіи „Рюрика“ программъ танцевъ. Всѣ программы отпечатаны на бѣломъ картонѣ, въ видѣ книжекъ, и прошиты цвѣтнымъ шелковымъ шнурочкомъ съ привязаннымъ къ нему маленькимъ карандашикомъ въ цвѣтной оправѣ. На другомъ столикѣ положены кипы цвѣтныхъ шелковыхъ ленточекъ съ оттиснутыми на нихъ золотомъ надписями: „Рюрикъ“, „Цесаревичъ“, „Громобой“ и т. д.

Съ краевъ тента на ютѣ до палубы спускаются различные сигнальные флаги, составляя точно стѣны этого помѣщенія. Такимъ образомъ, все пространство между казематомъ и до самой кормы превращено въ большой танцевальный залъ.

Наконецъ, оглушительные звуки „Сокольскаго марша“ извѣщаютъ о прибытіи перваго катера съ гостями. Изящныя женскія фигурки въ красивыхъ туалетахъ появляются у праваго трапа, за ними выходятъ въ смокингахъ ихъ кавалеры. Глаза гостей съ восхищеніемъ останавливаются на новомъ для нихъ зрѣлищѣ — бальнаго зала на кораблѣ. Къ дамамъ

*) Вѣтрогоны — переносные электрическіе вентиляторы.

подлетаютъ мичманы, гардемарины. Каждая дама получаетъ программу танцевъ и услужливыя руки подвязываютъ ей на лѣвой рукѣ, выше локтя, одну изъ цвѣтныхъ ленточекъ съ надписями кораблей. У каждой группы дамъ „закругляются“*) назначенные „въ ихъ распоряженіе“ на весь вечеръ танцующіе лейтенанты, мичманы и гардемарины. За первымъ катеромъ съ гостями подходитъ второй, затѣмъ третій, и скоро всѣ помѣщенія, предназначенныя для five o'clock tea, наполнены шумнымъ роемъ гостей и запахомъ тонкихъ духовъ. Преобладаютъ датчане и датчанки, но есть также и французы, итальянцы и англичане, члены иностранныхъ миссій въ Копенгагенѣ со своими семьями. Мелькаетъ нѣсколько мундировъ датскихъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ.

У „Николы“ въ барѣ балалаечники играютъ вальсъ „Фавнъ“ Андреева, привлекая массу любопытныхъ, не вѣрящихъ, что такой простой инструментъ даетъ въ оркестрѣ такіе красивые и гармоничные звуки. Ждутъ прибытія нашего посланника, камергера Высочайшаго Двора барона Б. Но его все нѣтъ. Среди гостей присутствуютъ и наши очаровательныя соотечественницы, дочери и жены членовъ нашей миссии и консульства, а также дамы и дѣвицы небольшой русской колоніи въ Копенгагенѣ.

Адмиралъ даетъ знакъ къ началу танцевъ.

— Messieurs, engagez vos dames pour la valse!
— проносится сквозь звуки ритуρνеля голосъ шикарнаго лейтенанта съ проборомъ до самаго затылка, старшаго распорядителя танцевъ. Подъ звуки моднаго тогда „Valse Brune“ закружились десятки паръ.

— Grand rond! Rond des dames! Les dames à droite, messieurs à gauche! — доносятся молодые голоса съ верхней палубы.

---

*) „Закругляться“ — на нашемъ жаргонѣ означаетъ — ухаживать.

Баль въ полномъ разгарѣ! „Pas des patlneurs“ смѣняется „Pas des quatres“, затѣмъ слѣдуютъ „Pas d'espagnes“, „Chacogne“, „Mignon“ и т. д. Къ концу перваго отдѣленія танцевъ въ различныхъ группахъ слышны фразы:

— Allons voir la mazurka*).

— Il faut voir les Russes dancésra mazurka**).

— Messieurs, engages vos dames pour la mazurka! — звенить голосъ шикарнаго лейтенанта. И онъ черезъ всю палубу проносится къ русской барышнѣ въ свѣтло-зеленомъ платьѣ. Эта первая пара лихо вылетаетъ на середину зала, за ней вторая, третья, четвертая — дамы пока только русскія.

Иностранцы съ восхищеніемъ смотрятъ на дивный танецъ. Датчанки, англичанки, француженки, покоренныя убѣжденіями мичмановъ и гардемаринъ, одна за другой, съ зардѣвшимися щечками и горящими глазками, присоединяются къ танцующимъ, робко путаясь въ „па“ незнакомаго, но восхищающаго ихъ танца.

— Dans une colonne! — сквозь бравурные звуки слышны голоса распорядителей. — Une paire à droite, une paire à gauche!

Наконецъ финаль:

— Messieurs, remerciez vos dames à genoux! — И вдругъ хорошенькая юная испанка, съ горящими черными глазами, въ припадкѣ восторга, охватываетъ прекрасными тонкими руками шею стоящаго передъ ней на одномъ колѣнѣ мичмана и осыпаетъ поцѣлуями его щеки, глаза, лобъ. „Браво, браво“, доносится со всѣхъ сторонъ, при общемъ смѣхѣ. Красный какъ ракъ, мичманъ вскакиваетъ, подаетъ руку своей дамѣ и оба, смѣющіеся, уносятся къ буфету. Тамъ уже вѣстовые еле успѣваютъ подавать прохладительные напитки.

*) Пойдемте посмотрѣть мазурку.

***) Надо посмотрѣть, какъ русскіе танцуютъ мазурку.

Первое отдѣленіе окончено — антракты!

— Пѣсенники пря-мо, — слышно изъ каземата.

И изъ-за оркестра появляются „справа по два“ человекъ сорокъ пѣсенниковъ съ бубнами и треугольниками. Они одѣты „во все бѣлое“. Рукава засучены выше локтя, на ногахъ желтыя туфли.

Ударъ бубна... Бархатный теноръ запѣвалы, въ тактъ подъ лѣвую ногу, начинаетъ: „Ахъ, какъ въ нашей деревушкѣ случилась бѣда“. — „Ахъ, какъ въ нашей деревушкѣ случилась бѣда“. — „Ать, два, три, четыре — случилась бѣда“. — „Ать, два, три, четыре — случилась бѣда“ — подхватываетъ со свистомъ, громомъ бубна и звономъ треугольника весь хоръ.

— *C'est une chanson de guerre slave**), — доносится изъ группы французовъ.

— *C'est ravissant***), — вскрикиваетъ какая то дама.

Пѣсенники, съ высоко поднятыми головами, лихо отбивая шагъ, проходятъ кругомъ зала и красивой группой становятся на кормѣ. Хватающій за душу теноръ начинаетъ: „Степь горитъ, солнце жошетъ, въ небѣ тучка плыветъ“, и хоръ басовъ подъ сурдинку гудитъ — „а кругомъ все молчитъ, степь широкая...“ Льетъ слѣдующая пѣснь. Выходятъ плясуны, взглядывая другъ на друга и подергивая плечами. Весь хоръ поетъ: „Двадцать девять дней бываетъ въ февралѣ, въ день послѣдній спятъ Кассіаны на землѣ. Февраля двадцать девятого — цѣлый штофъ вина проклятого влилъ Касьянъ въ утробу грѣшную, позабылъ жену сердешную“.

Плясуны „чешутъ“ камаринскую. Среди иностранцевъ полный восторгъ.

На палубѣ рядомъ съ Адмираломъ появляется высокая красивая фигура нашего посланника въ придворномъ расшитомъ золотомъ мундирѣ. Лицо его

*) Это боевая пѣснь славянъ.

***) Это восхитительно.

озабочено. Взявъ Адмирала подъ руку, онъ отводитъ его въ сторону и затѣмъ оба спускаются внизъ, въ кабинетъ Адмирала. Минуть черезъ двадцать, какъ-то незамѣченный среди шума бала, посланникъ, провожаемый Адмираломъ, Начальникомъ Штаба, командиромъ и вахтеннымъ начальникомъ уѣзжаетъ на берегъ.

Флагъ офицеры шопотомъ передаютъ совершенно невѣроятное распоряженіе: — возможно скорѣе „эвакуировать“ всѣхъ гостей на берегъ подъ какимъ угодно предлогомъ.

Какъ ни трудно это было сдѣлать, какъ ни невозможно было доказать расшалившимся дѣвицамъ и дамамъ, что по „морскимъ законамъ“ намъ необходимо немедленно произвести какіе то морскія упражненія — однако, удалось начать увозить гостей. Вереница катеровъ потянулась на берегъ. Черезъ часъ корабль опустѣлъ. Волшебная бальная обстановка была снята, корабль принялъ обычный видъ.

Проводивъ одну изъ послѣднихъ партій гостей на берегъ, я вернулся на „Императоръ Павелъ I“. Оказалось, за это время съ „Рюрика“ былъ сдѣланъ сигналъ: — „Флоту къ 4-мъ ч. утра быть готовымъ къ походу. Имѣть пары во всѣхъ котлахъ“.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось? — спрашивали мы другъ друга. Отвѣта пока не было.

Семафоромъ съ „Рюрика“ передали приказаніе: „Миноносцамъ обѣихъ дивизій, по такому то расписанію, подойти къ большимъ кораблямъ принять уголь“. Къ намъ подошли „Пограничникъ“ и „Уссуриецъ“ и начали погрузку угля. Изъ кочегарокъ доносилось шипѣніе и шумъ — это „шуруютъ“ кочегары, поднимая пары во всѣхъ котлахъ.

Спустилась ночь. Небо покрылось тучами. Началъ накрапывать дождь.

ВЪ ОЖИДАНИИ НАПАДЕНІЯ ГЕРМАНСКАГО ФЛОТА.

На „Рюрикъ“, по сигналу Адмирала, собрались флагманы и командиры. Нашъ командиръ вернулся домой около полуночи, но ничего никому сразу не сообщилъ.

Ровно въ 4 часа утра, еще до разсвѣта, по сигналу клотикомъ съ „Рюрика“, флотъ началъ сниматься съ якоря по-дивизионно и по-бригадно. Первыми ушли обѣ минныя дивизіи и скоро скрылись позади сѣро-зеленыхъ острововъ. За ними пошелъ отрядъ заградителей „Нарова“, „Ладога“, „Онега“, „Амуръ“, „Енисей“ и маленькая „Волга“. Черезъ нѣкоторое время туда же направилась бригада крейсеровъ, за нею броненосный крейсеръ „Рюрикъ“, далѣе бригада линейныхъ кораблей. „Императоръ Павелъ I“ покидалъ гостепріимный рейдъ Копенгагена послѣднимъ.

Взошедшее солнце золотистыми лучами сквозь легкій утренній туманъ освѣщало чистенькій, красивый городъ. Тамъ остались тѣ милыя дамы и дѣвицы, съ которыми мы вчера еще танцевали на „Рюрикѣ“ и которые, вставъ сегодня по утру и взглянувъ на рейдъ, къ удивленію своему увидятъ, что онъ, вчера еще полный кораблей съ развѣвающимися на нихъ бѣлыми флагами съ синимъ крестомъ, — сегодня пустъ. „Что же, однако, случилось?“ — задавали мы себѣ вопросъ. Отвѣтъ мы получили лишь тогда, когда милый Копенгагенъ скрылся за входными островами и когда лоцманы, выводящіе насъ въ Бельты, были отпущены обратно.

Старшій офицеръ, по приказанію командира, собралъ насъ въ каютъ-компаніи и прочелъ намъ секретный приказъ адмирала Н. О. Эссена, изъ котораго мы узнали, что на Балканскомъ полуостровѣ вспыхнула война между нашими братьями по крови и вѣрѣ — сербами, болгарами и союзными съ ними греками съ Турціей. Турцію поддерживали вѣковые враги Славянства — Австро-Венгрія и Германія.

„По полученнымъ Россійской Императорской Миссіей въ Копенгагенѣ свѣдѣніямъ“, гласилъ приказъ, „весь германскій флотъ сосредоточенъ въ Килѣ“. Имѣлось основаніе предполагать, что германскій флотъ внезапно атакуетъ насъ въ морѣ и, пользуясь подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ и неожиданностью нападенія, постарается захватить насъ, считывая, что мы, отрѣзанные отъ родныхъ базъ, попадемъ къ нему въ руки безъ боя, что нанесетъ несмываемый позоръ матушкѣ Россіи и Славянству.

„Объявляю господамъ офицерамъ и молодецкимъ командамъ ввѣренныхъ мнѣ морскихъ силъ Балтійскаго моря“, писалъ въ своемъ приказѣ Адмиралъ Н. О. Эссенъ, „что ни одинъ нашъ корабль въ рукахъ нѣмцевъ не будетъ“.

„Не имѣя времени и возможности испросить на этотъ предметъ инструкцій отъ нашего Правительства“, писалъ далѣе Адмиралъ, „я всю отвѣтственность за могущее произойти беру на себя и приказываю ввѣреннымъ мнѣ морскимъ силамъ Балтійскаго моря, въ случаѣ встрѣчи съ германскимъ флотомъ или съ его частями на путяхъ нашего возвращенія въ Россію, — вступить съ нимъ въ бой, ведя оный, не считаясь съ потерями, стремясь нанести противнику максимальное поражение и памятуя, что даже гибель всѣхъ нашихъ судовъ въ этомъ бою явится блестящей моральной побѣдой Россійскаго Императорскаго Флота,

къ неувядаемой славѣ родного Андреевскаго Флага. Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ“.

Таковъ былъ смыслъ вступительной части приказа адмирала Н. О. Эссена. Далѣе къ нему были приложены необходимыя техническія инструкціи, о мѣрахъ наблюденія и т. д. Сообщалось, что Адмиралъ рѣшилъ отрядъ заградителей подъ конвоемъ второй минной дивизіи сразу по выходѣ изъ проливовъ направить къ сѣверу, къ Або-Алландскимъ шхерамъ, откуда они прямо пройдутъ въ Гельсингфорсъ. Главныя же силы въ составѣ бригады линейныхъ кораблей, бригады крейсеровъ, первой минной дивизіи и „Рюрика“ прямо отъ Фемарнъ-Бельта пойдутъ къ устью Финскаго залива и оттуда въ Ревель.

Когда намъ прочли этотъ приказъ, мы почувствовали, что все, чему мы учились во время стрѣльбъ, маневровъ, погрузокъ угля — черезъ нѣсколько часовъ можетъ оказаться передъ лицомъ суроваго экзаменатора — боя! Боя, для котораго мы существуемъ и къ которому мы все время готовились.

Точно невидимыя нити связали насъ съ нашимъ Адмираломъ, и — такова сила моральнаго воздѣйствія вождя — мы ясно почувствовали, что все, что мы дѣлали и надъ чѣмъ трудились — было нужно и что все, что пишетъ Адмиралъ въ приказѣ, именно такъ и будетъ въ случаѣ нападенія на насъ германскаго флота.

Какое-то удивительное спокойствіе и увѣренность въ себѣ овладѣли душой каждого изъ насъ. Казалось, что этотъ маленькій человекъ съ живыми сѣро-синими глазами, въ бѣлой офицерской фуражкѣ, въ синемъ кителѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на груди, шагающій сейчасъ назадъ и впередъ по мостику броненоснаго крейсера „Рюрикъ“ — являлся фокусомъ могучей воли, которая управляла нами и нашими кораблями.

Переданный командѣ приказъ былъ встрѣченъ криками „ура“ отъ верхняго мостика до нѣдръ ко-чегарокъ и машинъ, и это показало намъ, что живая душа линейнаго корабля „Императоръ Павелъ I“ настроена въ унисонъ съ индивидуальной душой каждаго изъ насъ, что воля и рѣшимость Адмирала зажгли и укрѣпили ее и что „ни одинъ русскій корабль въ рукахъ нѣмцевъ не будетъ“.

Вотъ и выходъ изъ Бельтовъ. Вторая минная дивизія съ заградителями скрывается въ сѣверной части горизонта. Далеко впереди по дугѣ идетъ бригада крейсеровъ въ дозорѣ. Большая часть эскадренныхъ миноносцевъ первой минной дивизіи выброшена въ дозоръ впереди крейсеровъ и вправо отъ насъ.

Море пустынно, ни дымка, ни силуэта... Наша бригада идетъ одиноко, на курсѣ, ведущемъ къ устью Финскаго залива. Головнымъ идетъ „Рюрикъ“, на траверзахъ у него эскадренные миноносцы „Охотникъ“ и „Пограничникъ“. За нимъ линейные корабли „Цесаревичъ“, „Слава“, „Андрей Первозванный“ и „Императоръ Павелъ I“. На траверзахъ cadaго изъ нихъ по одному эскадренному миноносцу. У насъ слѣва идетъ „Амурецъ“, справа „Уссуріецъ“. На мостикѣ послѣдняго въ бинокль видна характерная сухая фигура въ „Нахимовской“ фуражкѣ съ громаднымъ козырькомъ. Это его командиръ, капитанъ II ранга Александръ Васильевичъ Колчакъ. Въ сѣрыхъ перчаткахъ, опершись на поручни мостика, онъ точно слился съ прозрачной далью голубого горизонта.

Тра-та-та-та — та-та-та — та-та-та. — Тра-та-тра-та — та-та-та-та — тра-та-тра-та та-та-та-та — тра-а-тра-а-тра-а, — слышались звуки горновъ по всѣмъ палубамъ — боевая тревога.

— Слушайте всѣ. Орудія раскрѣпить. Къ орудіямъ подать по 10 боевыхъ снарядовъ и зарядовъ, — слышно приказаніе по палубамъ, и послѣ ис-

полнительнаго сигнала „та-та“, орудія точно рожки у улитки, начинаютъ что-то нащупывать въ воздухѣ. Вотъ „маленькія“ 4,7" противоминныя пушки, снарядъ которыхъ, однако, вѣситъ 52 фунта, т. е. болѣе одного пуда — повернулись вѣеромъ. Половина ихъ смотритъ на носъ, половина на корму. Вотъ зашевелились среднія 8" пушки въ башняхъ и казематахъ. Ихъ снаряды уже семи-пудовые. Вотъ плавно повернулись 12" башни, снаряды которыхъ вѣсятъ 21 пудъ.

Пока въ подачѣ, въ башняхъ и казематахъ происходитъ приготовленіе орудій къ бою, мы съ вами, дорогіе читатели, перенесемъ въ боевую рубку. Она у насъ, на „Императоръ Павлѣ I“, представляла собою высокую броневую трубу, толщиною брони въ 10". Если бы ее разрѣзать въ горизонтальной плоскости, то въ сѣченіи получился бы эллипсисъ, близкій къ кругу. Большая ось его вытянута вдоль діаметральной плоскости корабля и была длиною около 14 футъ. Малая ось этого эллипсиса длиною около 12 футъ, была перпендикулярна діаметральной плоскости. Входъ въ рубку сзади черезъ отверстіе, которое закрывалось толстой броневой плитой съ помощью особаго штурвала. Входъ въ боевую рубку былъ также и снизу, изъ центрального поста черезъ броневую трубу. Передняя часть рубки составляла „командирское отдѣленіе“. Тамъ помѣщались всѣ приборы управленія кораблемъ и машинами. Тамъ же находился особый откидной столъ, на которомъ раскладывалась карта. Сквозь узкіе прорѣзы изъ этой рубки можно было видѣть окружающій горизонтъ примѣрно на 300°.

По боевому распisanію въ этомъ отдѣленіи помѣщались: командиръ и состоящіе при немъ ординарцы, „Никола“ съ рулевыми и сигнальщиками, младшій штурманскій офицеръ, помощникъ „Николы“ и старшій минный офицеръ, а отъ артиллеристовъ „Бука“.

Передняя часть рубки была отдѣлена отъ задней броневой перегородкой, въ правой части которой была прорѣзана дверь; задняя часть рубки составляла „артиллерійское отдѣленіе“. Полъ этого отдѣленія былъ, примѣрно, на три четверти аршина выше командирскаго отдѣленія и потолокъ на столько же возвышался надъ нимъ. Такимъ образомъ, сквозь прорѣзы рубки въ артиллерійскомъ отдѣленіи можно было видѣть горизонтъ надъ крышей командирскаго отдѣленія и сверхъ того на корму, насколько позволяли находившіяся сзади дымовыя трубы. Въ артиллерійскомъ отдѣленіи по боевому распisanію находились: старшій артиллерійскій офицеръ, управлявшій 8" орудіями, „Роза“ — 12" орудіями и младшій артиллерійскій офицеръ — 4,7" пушками. Каждый изъ нихъ въ этотъ моментъ имѣлъ нѣчто вродѣ кирасы изъ стеганой парусины съ вилкой на груди, на которую одѣвался рупоръ гибкой переговорной трубы. Въ большихъ карманахъ кирасы были таблицы стрѣльбы и рисунки силуэтовъ непріятельскихъ кораблей. На шеѣ висѣли великолѣпные призматическіе бинокли, въ рукахъ секундомѣры.

По аналогіи съ живымъ организмомъ, боевая рубка — есть мозгъ корабля.

Командирское отдѣленіе составляетъ ту его часть, откуда возбуждаются нервы, которые приводятъ въ движеніе мускулы-машины, двигающіе корабль, управляющіе рулемъ и выбрасывающіе самодвижущіяся мины „Уайтхеда“.

Артиллерійское отдѣленіе — это та часть мозга, которая управляетъ средствами нападенія чудовища — корабля, выбрасывающаго каждую минуту около 400 пудовъ стали, летящей со скоростью 3.000 футъ въ секунду и, въ случаѣ попаданія, поражающаго противника страшными взрывами тринитро-толлуола.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ боевой тревоги глухіе, точно подземные голоса изъ центрального поста по переговорнымъ трубамъ сообщили въ артиллерійское отдѣленіе: „12" готовы“, „8" готовы“, „4,7" готовы“. „По 10 боевыхъ снарядовъ и зарядовъ поданы къ орудіямъ. Приборы управленія огнемъ провѣрены. Подача исправна“.

„Бука“, получивъ эти свѣдѣнія отъ старшаго артиллериста, доложилъ командиру:

— Господинъ капитанъ 1 ранга, артиллерія готова къ бою.

Точно отъ центра мозга, изъ командирскаго отдѣленія, черезъ артиллерійское и центральный постъ, полетѣло приказаніе по кораблю:

— Сигналь „Слушайте всѣ. Половинѣ прислуги орудій и подачи остаться, остальнымъ разойтись“.

Въ морѣ попрежнему никого не видно. На мостикѣ, кромѣ вахтеннаго начальника, стоитъ „артиллерійскую вахту“ одинъ изъ артиллерійскихъ офицеровъ, готовый въ любой моментъ открыть огонь въ любомъ направленіи.

Такъ прошелъ день. Къ вечеру, по сигналу „Рюрика“, мы перестроились. Головнымъ остался „Рюрикъ“, затѣмъ „Императоръ Павелъ I“, „Андрей Первозванный“, „Слава“ и „Цесаревичъ“. Такимъ образомъ, головнымъ и концевымъ кораблями оказались адмиральскіе корабли. На „Рюрикѣ“ — самъ Командующій, на „Цесаревичѣ“ — Начальникъ нашей бригады. Миноносцы, какъ обычно, ушли въ арьергардъ. По линіи было передано, что все сигнало-производство ночью производить исключительно „ратьеромъ“*).

Къ ночи было приказано: „Тяжелой и средней артиллеріи погреба закрыть, отъ орудій отойти, оста-

---

*), „Ратьеръ“ — особый фонарь съ угловымъ освѣщеніемъ, дающій обычно бѣлые и красные проблески. Сигнализируютъ имъ при помощи азбуки Морзе.

вивъ дневальныхъ. Противоминной артиллеріи орудія зарядить, быть готовыми къ отраженію минныхъ атакъ“.

У насъ на „Павлѣ I“, на всякій случай, прислуга была оставлена въ обоихъ носовыхъ 8” башняхъ, дабы при атакѣ миноносцевъ усилить нашъ слабый носовой огонь 4,7” пушекъ 8” орудіями. Сигналомъ съ „Рюрика“ было приказано огней не открывать.

Обходя казематы противоминныхъ пушекъ, зритель увидѣлъ бы совсѣмъ особенную картину.

Низкіе казематы, одѣтые броней, слабо освѣщены электрическими лампочками. Около пушекъ находятся готовые къ заряданію патроны и снаряды. Двери въ казематы заперты и, если ихъ надо открыть, тушится даже этотъ слабый свѣтъ. Въ казематахъ разложены маты и разставлены кадки съ водой и пескомъ. Противъ каждаго орудія лежатъ банники*) и приборники**).

Плутонговый командиръ, по очереди со своимъ помощникомъ артиллерійскимъ унтеръ - офицеромъ, все время бодрствуетъ. На подножкахъ каждой пушки стоятъ наводчики, не отрывая глазъ отъ прицѣла.

Ночной прицѣлъ со слабымъ увеличеніемъ въ три раза даетъ возможность даже въ темную ночь отличать море отъ неба. На темномъ полѣ видимости въ прицѣлѣ витаетъ слабо освѣщенный крестъ нитей, пересѣченіе которыхъ должно быть наведено на точку наводки.

Прицѣлы всѣхъ пушекъ установлены на дистанцію 10 кабельтовыхъ, орудія поставлены вѣеромъ. Носовое орудіе на 25° отъ діаметральной плоскости, второе на 35°, третье на 45°, четвертое на 55°, а пятое и шестое насколько можно на носъ. Такимъ

---

*) Банникъ — круглая щетка изъ щетины, насаженная на длинной рукояткѣ, чтобы чистить орудіе.

**) Прибойникъ — палка, на которую насажена деревянная головка для „досылки“ снаряда.

образомъ, всѣ опасные въ отношеніи минной атаки секторы, отъ носа до траверза, съ cadaго борта, находятся подъ наблюдениемъ заряженныхъ орудій. Чуть только покажется въ темнотѣ подозрительный силуэтъ, какъ изъ боевой рубки будетъ передана команда: — „Пристрѣлка, залпъ“, и, по захватѣ цѣли въ вилку, будетъ открытъ огонь „завѣсой“, при которомъ каждая пушка даетъ максимальную скорость стрѣльбы, которую она можетъ дать. У насъ на „Павлѣ I“ — 4,7” пушки давали до 12 выстрѣловъ въ минуту. Но пока ничего тревожнаго нѣтъ, наводчики смотрятъ въ прицѣлы, а половина прислуги отдыхаетъ, лежа около орудій.

Какъ только глазъ наводчика усталъ, онъ, не отрываясь отъ прицѣла, ногой будитъ подсмѣннаго наводчика. Тотъ вскакиваетъ, головой становится рядомъ съ прицѣломъ и, какъ только глаза его привыкнуть къ темнотѣ, быстро смѣняетъ предыдущаго наводчика, который ложится отдыхать на его мѣсто.

Въ это время на мостикѣ вахтенные сигнальщики, одинъ на правомъ крылѣ, другой на лѣвомъ, — непрерывно въ бинокли осматриваютъ горизонтъ, — одинъ отъ носа до праваго траверза, другой — отъ носа до лѣваго траверза.

На марсѣ, въ маленькой броневой рубкѣ, на высотѣ, примѣрно, 200 футъ надъ уровнемъ моря, сидитъ третій сигнальщикъ. У него на ремнѣ подвѣшенъ рупоръ переговорной трубы, которой онъ связанъ съ боевой рубкой. У вахтеннаго артиллерійскаго офицера находится рупоръ переговорной трубы на длинномъ гибкомъ шлангѣ, дающемъ ему возможность находиться внѣ рубки и все время быть готовымъ къ отраженію атаки съ любого борта.

Подсмѣнный артиллерійскій офицеръ спитъ, не раздѣваясь, тутъ же.

Вахтенный начальник занятъ исключительно курсомъ и ходомъ корабля и удержаніемъ своего мѣста въ строю.

Около прожекторовъ находятся дежурные мины, готовые въ любой моментъ открыть прожекторы.

Въ отдѣленіи динамо-машинъ, кромѣ дежурной машины, находится въ готовности къ дѣйствию еще одна или двѣ динамо-машины.

Это и есть состояніе „готовности къ отраженію минныхъ атакъ“.

Добавлю къ этому, что у насъ на „Павлѣ I“ было шесть динамо-машинъ и, когда онѣ работали всѣ, то давали въ цѣпи до 6.000 амперъ, развивая мощность, достаточную для освѣщенія порядочнаго города.

Ночь прошла спокойно. Передъ разсвѣтомъ слабый S-O засвѣжѣлъ и къ восходу солнца бѣдныхъ миноносцевъ, вступившихъ вновь на свои мѣста, порядочно „раскладывало“.

Шедшіе справа и слѣва у насъ „Уссуріецъ“ и „Амурецъ“, то ныряли, зарываясь носомъ въ волну и давая перебои винтами, то высовывались носомъ вверхъ, садясь на корму и обнажая красную подводную часть, точно брюхо огромнаго кита.

Брызги моря (Raquets de mer) иногда съ шумомъ проносились надъ носовой башней, разсыпаясь милліонами алмазовъ въ лучахъ восходящаго солнца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.

Къ моменту разсвѣта опредѣлилось, что сзади насъ идетъ коммерческій пароходъ наливного типа, низко сидящій надъ водой. Однако, несмотря на свой неказистый видъ, этотъ пароходъ замѣтно насъ нагонялъ. Вотъ онъ уже приблизился къ „Цесаревичу“, поднявъ германскій коммерческій флагъ. Вотъ онъ проходитъ между лѣвымъ миноносцемъ и „Цесаревичемъ“, не смущаясь, повидимому, общимъ международнымъ морскимъ правиломъ, запрещающимъ коммерческимъ судамъ заходить внутрь строя идущей эскадры.

Не мѣняя своего курса, этотъ нѣмецкій пароходъ прошелъ между „Славой“ и идущимъ у нея на лѣвомъ траверзѣ миноносцемъ, затѣмъ онъ также прошелъ мимо „Андрея Первозваннаго“. Съ мостика „Павла I“ было видно, что пароходъ грязень и безобиденъ въ боевомъ отношеніи, но на палубѣ его обращала на себя вниманіе группа лицъ въ 15 человѣкъ, одѣтыхъ совершенно одинаково: въ бѣлые идеально разглаженные панталоны, бѣлыя туфли, синіе костюмы и яхтъ-клубскія бѣлыя фуражки. Было ясно, что это морскіе офицеры. У всѣхъ у нихъ въ рукахъ были фотографическіе аппараты различнаго типа.

Пароходъ такимъ же образомъ приблизился и къ „Павлу I“. По приказанію командира вахтенный начальникъ, взявъ мегафонъ, повернулъ его въ сторону „Амурца“ и передалъ:

— На „Амурцѣ“.

— Есть на „Амурцѣ“, — донеслось сквозь порывы вѣтра.

— Передайте германскому пароходу выйти немедленно изъ линіи миноносной охраны.

„Амурецъ“ приблизился къ пароходу и въ мегафонъ началъ передавать ему приказаніе, однако, пароходъ не обратилъ на это никакого вниманія, продолжая идти прежнимъ ходомъ и курсомъ. Группа шикарныхъ яхтсменовъ живописно выдѣлялась на его грязной палубѣ; въ бинокль видны были на ихъ лицахъ улыбки; аппараты ихъ были направлены на „Павель I“.

Это несомнѣнно офицеры германскаго военнаго флота!

Пароходъ прошелъ нашъ траверзъ, обгоняя насъ, и направился такимъ же порядкомъ къ „Рюрику“. На лѣвомъ крылѣ мостика послѣдняго виденъ былъ мегафонъ, въ которой вахтенный начальникъ передавалъ что то на идущій на лѣвомъ траверзѣ „Пограничникъ“. Пароходъ уже близокъ отъ траверза „Рюрика“... Вдругъ „Пограничникъ“ рѣзко застопорилъ машины и ловко повернулся точно на пяткѣ вправо.

На мостикѣ видна фигура его командира, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, капитана 2 ранга Кедрова. Красивый профиль „Пограничника“ весь вздрогнулъ, миноносецъ далъ полный ходъ. Блестяще маневрируя, онъ влетѣлъ въ узкое пространство между „Рюрикомъ“ и германскимъ пароходомъ. Несмотря на зыбь, рискуя пропороть себѣ свой нѣжный бортъ, „Пограничникъ“ съ полного хода присталъ къ германскому пароходу.

— Какой молодчина, — слышались восклицанія у насъ на мостикѣ, — вотъ орелъ. — Въ этотъ моментъ длинное носовое 100 мм. орудіе „Пограничника“ повернулось на лѣвый бортъ. Надъ палубой парохода

по морю прокатился ударъ пушечнаго выстрѣла! Хотя выстрѣлъ былъ холостой, но разрушенія на германскомъ пароходѣ были порядочныя. Разбитая въ щепы деревянная рубка улетѣла за бортъ. Какіе то предметы съ полубака полетѣли туда же. Группа шикарныхъ спортсменовъ разбѣжалась во всѣ стороны, нѣкоторыя упали. На мостикѣ осталась одинокая фигура рулевого, судорожно крутящая штурвалъ. Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ оторвался отъ „Пограничника“ и полнымъ ходомъ сталъ уходить влѣво отъ эскадры. Когда онъ отошелъ порядочно далеко, на немъ взвился сигналъ по международному коду: — „Желаю счастливаго плаванія“.

— Да, — говорили у насъ, — нѣмцы уважаютъ, повидимому, только силу.

На „Рюрикѣ“ взвился сигналъ: — „Эскадренному миноносцу «Пограничникъ» Адмиралъ изъявляетъ свое особое удовольствіе“.

Германскій пароходъ скрылся за горизонтомъ.

Море попрежнему было пустынно. Попрежнему отъ S.O. катились сѣро-зеленые валы съ бѣлыми барашками на гребняхъ.

Въ дальнѣйшемъ мы мирно продолжали нашъ путь къ роднымъ берегамъ. Мѣры боевой предосторожности были сняты. Открылся маякъ Оденсгольмъ, и вотъ мы въ Финскомъ заливѣ. Боевые снаряды и заряды спущены въ погреба. Вотъ и Наргенъ и мы — вновь на якорѣ на знакомомъ Ревельскомъ рейдѣ.

Заграничный походъ оконченъ. Сегодня на берегу офицеры и матросы встрѣтятъ родныхъ и близкихъ. Наша каютъ-компанія въ большинствѣ была холостая, но и у насъ въ Ревелѣ жили три дорогихъ намъ всѣмъ существа — сестра „Никола“, — Фаина Николаевна и ея двѣ подруги — сестры Надя и Ася. Эта милая тройка у насъ носила названіе „Фанася“.

Въ этотъ вечеръ „Фанася“ ужинала въ морскомъ собраніи въ роскошномъ Екатериненталѣ съ нашими офицерами. Слушала наши рассказы о заграничномъ походѣ и получила отъ насъ всѣхъ маленькіе подарки на память о Копенгагенѣ.

На другой день мы узнали, что морскія силы Балтійскаго моря расходятся по портамъ на зимовку. Первая минная дивизія уходила въ Гельсингфорсъ, туда же шли „Рюрикъ“, „Цесаревичъ“ и „Слава“. Крейсера оставались въ Ревелѣ, а мы съ „Андреемъ Первозваннымъ“ ушли въ Кронштадтъ на ремонтъ котловъ, переборку машинъ и на разныя передѣлки, вызванныя опытомъ нашего перваго года плаванія въ строю.

Кронштадтъ! Въ его гавани поздней осенью я разстался съ роднымъ кораблемъ, уѣзжая въ С.-Петербургъ для поступленія въ Императорскую Николаевскую военную Академію. На прощальномъ ужинѣ присутствовалъ нашъ бывший командиръ, капитанъ 1 ранга П. В. Римскій-Корсаковъ и нашъ нынѣшній командиръ капитанъ 1-го ранга А. К. Небольсинъ.

Съ радостью и гордостью мы всѣ видѣли ту разницу, какая была между „Императоромъ Павломъ I“ по окончаніи его постройки и теперь, послѣ года его плаванья въ составѣ Флота. Тогда это была машина, лишенная души, неспособная къ бою. Теперь это былъ слаженный, могучій корабль — одна изъ лучшихъ боевыхъ единицъ Россійскаго Императорскаго Флота. Могли ли мы думать, что черезъ пять лѣтъ „Императоръ Павелъ I“ и „Андрей Первозванный“ во время Россійской смуты заслуженно получатъ названіе „каторжные корабли“!

ЭПИЛОГЪ.

Громъ военной бури разразился 19-го іюля 1914 года. Дѣйствующій флотъ Балтійскаго моря игралъ въ эту войну блестящую роль. Линейный корабль „Императоръ Павелъ I“ съ честью носилъ родной Андреевскій флагъ...

7-го мая 1915 года въ 6 ч. 20 м. вечера страшный ударъ потрясъ флотъ: отъ воспаленія легкихъ и переутомленія скончался Командующій флотомъ адмиралъ Н. О. Эссенъ.

„Оплакиваю безвременную кончину адмирала Эссена и выражаю Балтійскому Флоту свое соболѣзнованіе по поводу понесенной имъ горестной утраты. Увѣренъ, что духъ почившаго Командующаго будетъ крылатъ всѣхъ чиновъ столь любимаго имъ флота“.

Такими душевными словами отмѣтилъ Государь Императоръ кончину адмирала Н. О. Эссена въ телеграммѣ на имя Морского Министра, Генераль-Адъютанта Адмирала И. К. Григоровича.

Духъ покойнаго адмирала оживлялъ флотъ. Побѣда была близка!

Но вотъ второй страшный ударъ вырвалъ душу флота — разразилась „великая, безкровная“ революція...

По списку, составленному Германскимъ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ, — болѣе 200 лучшихъ офицеровъ Балтійскаго флота были звѣрски замучены и убиты.

Агонія флота длилась до самой зимы. Среди тяжелыхъ льдовъ послѣдній Командующій, капитанъ 1 ранга Щастный, памятуя завѣтъ адмирала Н. О. Эссена, что „ни одинъ Русскій корабль въ рукахъ нѣмцевъ не будетъ“ — вывелъ флотъ изъ Гельсингфорса и Ревеля.

Послѣдній флагманскій штурманъ флота „Никола“, идя большую часть пути по льду на лыжахъ впереди головного корабля — выбиралъ наилучшій „курсъ“ для флота. Несмотря на невѣроятно тяжелыя условія, флотъ былъ приведенъ въ Кронштадтъ.

Капитанъ 1 ранга Щастный былъ арестованъ большевиками и судимъ. Даже большевицкій судъ не могъ его осудить. Однако, по единоличному настоянію еврея Лейбы Бронштейна (кличка Троцкій) капитанъ 1 ранга Щастный былъ разстрѣлянъ! Послѣдній Командующій Балтійскимъ Флотомъ умеръ героемъ на своемъ посту.

Кровавый вихрь безумія закрутился надъ Россіей. Славный Андреевскій Флагъ былъ спущенъ на русскихъ корабляхъ. Сами имена кораблей были измѣнены. Точно стономъ доносится въ памяти бархатный теноръ запѣвалы и гулъ басовъ хора пѣсенниковъ на „Рюрикѣ“ въ 1912 году:

„И слезинка изъ глазъ,
Будто чистый алмазь,
На усы тихо капъ сиротинушкѣ...“

* * *

Осень 1919 года. Знакомый намъ рейдъ мирнаго, спокойнаго Копенгагена.

На рейдѣ стоитъ Британская эскадра, состоящая изъ дредноутовъ, крейсеровъ и миноносцевъ. Жизнь на эскадрѣ идетъ мирно, нормально. Война окончена. Германскій флотъ уничтоженъ. Англичане побѣдители.

И вотъ, среди этой обстановки, съ моря появляется маленькій корабль. На гафелѣ его развѣвается Андреевскій флагъ. Это — тральщикъ „Китобой“. 120 тоннъ водоизмѣщенія. У него всего 2 маленькихъ 47 мм. пушки, годныя только для разстрѣла минъ. Командуетъ имъ лейтенантъ Ферсманъ. Размѣры „Китобоя“ таковы, что если къ нему подойти на паровомъ катерѣ, то не надо ставить и трапа — можно прямо шагнуть съ катера на палубу.

„Китобой“ вырвался изъ краснаго ада — это послѣдній корабль Балтійскаго флота, носящій Андреевскій флагъ.

Онъ входитъ на рейдъ Копенгагена*); но не такъ встрѣчаютъ его, какъ прежде встрѣчали Русскіе корабли.. Ни салютовъ, ни воинскихъ почестей. Наши бывшіе союзники, къ великому прискорбію, въ тяжелую минуту оказались по отношенію къ намъ хуже, чѣмъ врагами.

---

*) Описаніе эпизода съ „Китобоемъ“ здѣсь приводится согласно указаній бывшаго его командира лейтенанта О. О. Ферсманъ.

Къ сожалѣнію, по свойственной истинной доблести скромности, лейтенантъ Ферсманъ не сообщилъ мнѣ никакихъ деталей о томъ, какое впечатлѣніе произвела на англійскихъ моряковъ его твердость. Между тѣмъ, по дошедшимъ до меня слухамъ, геройское поведение „Китобоя“ въ Копенгагенѣ вызвало у англичанъ чувство глубокаго уваженія и они всячески это подчеркивали. Зная доблестныя традиціи англійскихъ моряковъ, я считаю, что нельзя на нихъ возлагать вину за недостойное распоряженіе тогдашняго англійскаго правительства.

Б. А.

Англичане потребовали, чтобы „Китобой“ спустилъ флагъ и былъ бы переданъ англійскому командованію въ Копенгагенѣ. Но они ошиблись. Хотя одного снаряда любого орудія съ Британской эскадры было бы достаточно, чтобы пустить „Китобой“ ко дну, — наглое требованіе встрѣтило достойный отпоръ.

Командиръ „Китобоя“ приказалъ выгнать присланную англійскую команду, а прибывшему для объясненія офицеру заявилъ, что не считаетъ себя обязаннымъ подчиниться требованію Британскаго Адмиралтейства, — Андреевскій флагъ не спуститъ, а въ случаѣ попытки овладѣть кораблемъ силою, будетъ защищаться всѣми имѣемыми въ его распоряженіи средствами. Твердость подѣйствовала. Маленькій „Китобой“ остался подъ Андреевскимъ флагомъ и въ русскихъ рукахъ. Пребываніе его въ Копенгагенѣ было его триумфомъ. Командиръ „Китобоя“ былъ принятъ вдовствующей Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

Изъ Копенгагена „Китобой“ ушелъ въ Крымъ, гдѣ еще героическіе Русскіе Армія и Флотъ генерала П. Н. Врангеля боролись за честь и свободу Россіи.

1920 годъ. Осень. Послѣ кровавыхъ боевъ на Перекопскомъ перешейкѣ Русская Армія и сопровождающіе ее русскіе люди, женщины и дѣти — всего около 130.000 человѣкъ — покинули послѣднюю пядь Русской земли — Крымъ.

Вся эта масса людей размѣстилась на военныхъ и коммерческихъ судахъ. Этимъ русскимъ флотомъ, который спасъ жизнь десяткамъ тысячъ людей, командовалъ знакомый намъ контръ-адмиралъ М. А. Кедровъ, бывший командиръ „Пограничника“. Флотъ идетъ въ Константинополь. Позади остался Крымъ, гдѣ въ это время, подъ руководствомъ еврея

Бѣлоконь (кличка Бѣла-Кунь), было зарѣзано, замучено и перестрѣяно свыше 15 тысячъ человекъ.

Впереди — неизвѣстность.

Въ Константинополѣ были оставлены всѣ коммерческія суда. Военныя суда, составивъ русскую эскадру подъ флагомъ вице-адмирала М. А. Кедрова, пошли въ Бизерту.

Въ русской эскадрѣ, кромѣ судовъ Черноморскаго флота, былъ транспортъ „Якутъ“, пришедшій изъ Владивостока и знакомый намъ маленькій „Китобой“. Такимъ образомъ, эта эскадра имѣла въ своемъ составѣ представителей почти всѣхъ частей Россійскаго Императорскаго Флота (Балтійскаго, Черноморскаго и Флотилій Тихаго Океана).

Русская эскадра съ благоговѣніемъ и достоинствомъ донесла до далекихъ африканскихъ береговъ, въ портъ Бизерту, нашу святыню — Андреевскій Флагъ.

Преклонитесь, русскіе люди, передъ ея подвигомъ и пусть молодое русское поколѣніе не забываетъ слова Указа Императора Петра Великаго:

„Флагъ во образѣ Креста Святого Андрея можетъ носить только достойный Флотъ.“

К о н е ц ъ .

Морской Журналъ

Издатель и Редакторъ лейт. М. Стахевичъ.

Цѣна номера въ ЧСР. — 3 кроны, въ Америкѣ — 25 американскихъ центовъ, въ другихъ странахъ — 10 америк. центовъ.

Условія подписки:

въ Америкѣ — на годъ 2 доллара, на полгода — 1 долларъ; въ другихъ странахъ на любое число мѣсяцевъ при пропорціональномъ увеличеніи стоимости одного экземпляра -- 10 ам. центовъ. Подписная плата (и уплата за отдѣльные экземпляры) принимается въ любой валютѣ. Переводить ее можно или на текущій счетъ М. Stahevič въ двухъ банкахъ: 1) Živnostenská Banka v Praze, Expozitura na Král. Vinohradech, Praha, Král. Vinohrady и 2) Americko-Slovenská Banka, Praha II. Náměstí Republiky или въ заказныхъ (денежныхъ) письмахъ по адресу: М. Stahevič, Praha IV, Loretánské nám., č. 109.

— ЗАРУБЕЖНЫЙ — МОРСКОЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей кап. 1 ранга Подгорнаго.

Выходитъ одинъ разъ въ три мѣсаца (4 номера въ годъ) книжками не менѣе 5 листовъ — 80 печатныхъ страницъ каждая.

„ЗАРУБЕЖНЫЙ МОРСКОЙ СБОРНИКЪ“ является органомъ традиціонной національной русской военно-морской мысли — идейнымъ продолженіемъ изданія за рубежомъ стараго „МОРСКОГО СБОРНИКА“, старѣйшаго журнала въ Россіи, выходившаго безъ перерыва съ 1848 г. и послѣ революціи превращеннаго большевиками въ органъ III-го интернаціонала.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Для Чехословакіи . 12 м. — 52 кр., 6 м. — 26 кр., 3 мѣс. 13 кр.
„ Америки . . . 12 м. 2,40 ам. д., 6 м. 1,20 а. д., 3 м. 0,60 а. д.
„ остальн. странъ 12 м. 40 фр. фр., 6 м. 20 фр. фр., 3 м. 10 фр. фр.
Цѣна одного номера въ отдѣльной продажѣ — 15 фр. фр.
Выписывающіе отъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписку и стоимость отдѣльныхъ №№ „Зар. Морского Сборника“ направлять по адресу редакціи:

**J. Podgorný, Koperníkova 6, Plzeň,
Tchécoslovaquie.**

КНИГИ, НАПИСАННЫЯ ОФИЦЕРАМИ РОССІЙСКАГО
ФЛОТА ЗА РУБЕЖОМЪ:

А. Книги, изданныя при посредствѣ
„Морского Журнала“:

Кап. 2 ранга *Б. Апрѣлевъ* — **Брызги моря**. Воспоминанія. 1931 г. 80 стр. Цѣна: въ Америкѣ — 0,50 долл., въ Болгаріи, Эстоніи и Югославіи — 8 фр. фр., въ остальныхъ странахъ — 10 фр. фр. Выписывать можно черезъ Редакцію „Морского Журнала“. Подписчики „Морского Журнала“ и лица, выписывающія 5 и болѣе экземпляровъ, получаютъ скидку въ 25%.

Кап. 2 р. кн. *Я. К. Тумановъ* — **Мичмана на войнѣ**. Прага, 1930 г., 238 стр. Цѣна: въ Америкѣ — 0,70 долл., въ Болгаріи, Эстоніи и Югославіи — 11 фр. франковъ, во всѣхъ остальныхъ странахъ — 14 фр. франковъ.

Съ эскадрой Адмирала Рожественскаго — сборникъ статей *Г. К. Графа, А. П. Гезехуса, К. К. Клапье-де-Колонга, С. А. Посохова, А. А. фонъ Транзе, В. А. Штенгера, В. Б. и А. Д.* Прага, 30 г. 152 стр., цѣна 0,60 амер. долл.

Б. Книги другихъ издательствъ:

Вице-Адмиралъ А. Г. фонъ Нидермиллеръ — **Отъ Севастополя до Цусимы** (Русскій Флотъ 1866-1906 г.). Воспоминанія. Рига. 1930. 140 стр. Цѣна Ls 3.

Флагъ Адмирала — сборникъ статей А. А. *Гефтера*, А. П. *Лукина*, С. С. *Политовскаго* и Б. Л. *Седерхольма*. Рига, 1930 г., 239 стр., цѣна 0,85 ам. долл., для членовъ морскихъ организацій — 12 франц. франковъ.

Кап. 2 р. Г. К. *Графъ* — **Моряки**. Парижъ, 1930 г., 272 стр., цѣна 25 франц. франковъ.

Адмиралъ Г. Ф. *Цывинскій* — **50 лѣтъ въ Императорскомъ Флотѣ**. Рига, 1929 г., 371 стр.

Контръ-Адмиралъ С. С. *Фабрицкій* — **Изъ прошлаго**. Берлинъ, 1926 г., 162 стр.

Кап. 2 р. Г. К. *Графъ* — **На „Новикѣ“**. Мюнхенъ, 1922 г., 480 стр.

Monasterev — **Vom untergang der Zarenflotte**, Берлинъ, 1930 г., 184 стр., цѣна 6 герм. мар.

**Цѣна: въ Америкѣ — 0,50 долл., въ Болгаріи, Эстоніи
и Югославіи — 8 фр. фр., въ остальныхъ странахъ —
10 фр. фр.**

**ИЗДАНИЕ АВТОРА
при посредствѣ
„МОРСКОГО ЖУРНАЛА“.**

Tiskla knihtiskárna Petra Duška v Říčanech.